

•
•

МОСКВА
ЦСА РАН
2012

УДК 332.14(56)
32(56)
ББК 65.5(5 Туц)
66.2(5Туц)'7
Турц 889

Научное руководство – академик Е.М.Примаков
Научные редакторы – академик В.Г.Барановский, к.и.н. И.Я.Кобринская

Редакторы – д.э.н. Л.С.Вартазарова, д.и.н. П.В.Стегний

Авторский коллектив:

Введение: Кононов В.И., Стегний П.В.

Раздел 1: Васильев А.М., Васильев А.Д., Вертяев К.В., Касаев Э.О., Кононов В.И., Мейер М.С., Надеин-Раевский В.А., Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В.

Раздел 2: Бужинский Е.П., Иванова И.И., Корицкий С.А., Мамедова Н.М., Наумкин В.В., Борисова М.В., Прищепов А.Л., Стегний П.В., Трубников В.И.

Раздел 3: Касаев Э.О., Кононов В.И., Кунаков В.В., Надеин-Раевский В.А., Рыжак К.Н., Студеникина Л.А.

Заключение: Стегний П.В.

Научно-организационная часть работы обеспечена: Вартазаровой Л.С., Борисовой М.В., Громогласовой Е.С, Кобринской И.Я., Уткиным С.В.

Турц 889

Турция: новая роль в современном мире. – М.: ЦСА РАН, 2012. – 80 с.
ISBN 978-5-906301-01-7

Доклад « : » - первый в серии научных докладов Центра ситуационного анализа РАН. В докладе анализируются все аспекты внутренней, социальной, экономической и внешней политики Турции, ее роль в регионе, подходы к стратегическим и текущим актуальным международным проблемам и особенности взаимодействия с глобальными игроками. Доклад подготовлен по материалам ситуационного анализа, проведенного под руководством академика Е.М.Примакова в 2012 г.

“Turkey: a new role in a modern world” – is the first in the series of analytical reports of the Center for Strategic Analysis, RAS. The report analyzes all aspects of domestic, social, economic and foreign policy of Turkey, its role in the region, approaches to the strategic and current actual international problems and specifics of its relations with global actors. The report is prepared on the basis of situation analysis, organized under scientific leadership of academician Yevgeny M.Primakov in 2012.

<http://www.csa-ran.ru>
<http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-906301-01-7

© ЦСА РАН, 2012

.....	5
1.	
.....	8
1.1. Расстановка основных политических сил	8
1.2. Особенности экономической модели	16
1.3. Политика в отношении национальных и религиозных меньшинств	20
2.	
.....	27
2.1. Базовые принципы современной внешней политики Турции.....	27
2.2. Особенности «западного вектора» турецкой внешней политики	30
2.3. Сотрудничество-соперничество с Ираном	34
2.4. Турция и «арабская весна»	37
3.	
.....	45
3.1. Политическое и торгово-экономическое партнерство....	45
3.2. Взаимодействие и конкуренция в транспортировке углеводородов	54
3.3. Совпадения и конфликт интересов на Южном Кавказе и в Центральной Азии	58
3.4. Турция как фактор развития этно-конфессиональной ситуации в России и странах СНГ	62
.....	69
.....	74

На современном этапе Турецкая Республика все более активно претендует на роль регионального лидера и одновременно, используя выгодное геополитическое положение на стыке двух цивилизаций, стремится усилить влияние в глобальной политике,

В экономической сфере руководством Турции поставлена задача обеспечить к 2023 году (100-летию Республики) вхождение в десятку наиболее развитых стран мира и стать региональным лидером в технологической модернизации. Такие амбиции вполне объективно обоснованы: стабильное развитие экономики страны в последнее десятилетие самыми высокими в Европе среднегодовыми темпами роста (5,1 %); 16-е место в мировой и 6-е в европейской экономике; выигрышная демографическая ситуация – очень молодое население; половина населения, численностью в 76 млн. чел. (его трудоспособная часть – 52 млн.), моложе 30 лет; в стране 139 университетов (94 – государственные, 45 – частные), где учатся около 3 млн. студентов и ежегодно 400 тыс. выпускников; 25 миллионов пользователей Интернета.

Экономика страны не только удовлетворяет потребности населения в продовольствии, товарах народного потребления, включая товары длительного пользования, но и поставляет их на экспорт в страны Европы, Америки, СНГ, Африки, Ближнего и Среднего Востока.

Турецкие строительные компании работают в 89 странах, где ими построено более 6 тыс. промышленных, социально-культурных и бытовых объектов на общую сумму 189 млрд. долл. Из них в России более 1260 объектов различного назначения на общую сумму 34 млрд. долл. 33 турецкие компании входят в число крупнейших строительных компаний мира (2-е место после Китая).

Турция стремится также стать стратегическим энергетическим транзитным узлом Европы и Азии, поскольку контролирует и морские, и сухопутные маршруты поставок нефти и газа. Она занимает исключительно удачное географическое расположение между странами и регионами, обладающими более чем половиной углеводородов в мире (Россия, Каспийский регион, Центральная Азия, Иран, Ближний и Средний Восток), с одной стороны, и крупнейшими рынками-потребителями энергоресурсов (ЕС, Китай, Азия), с другой. При этом Турция имеет 25-й в мире по суммарному водоизмещению торговый флот и самый большой в Европе парк крупнотоннажных грузовиков (45 тыс.ед.) для перевозки внутренних и международных грузов. В стране действуют 50 морских и 45 аэропортов.

Внешняя политика Турции на протяжении последних лет и вплоть до наступления «арабской весны» базировалась на двух принципах концепции «стратегической глубины» - «нулевой уровень проблем с соседями» и «создание зоны стабильности и безопасности вокруг Турции». Однако волна революций в Северной Африке и на Ближнем Востоке побудила руководство страны к серьезной корректировке политики в отношении стран региона и переходу от традиционной роли посредника между правящими режимами и оппозицией к поддержке – в ряде случаев – антирежимных сил. Вместе с тем, Турция не отказывается и от своих позиций

«переговорщика» в зонах конфликтов, возникающих в регионе (в частности, по проблемам Ирана).

Одновременно турецкое руководство предпринимает усилия по распространению «турецкой модели» политического устройства в арабском мире и тюркоязычных странах Южного Кавказа и Центральной Азии. В целом Анкарой декларируется многовекторная внешняя политика, с такими приоритетами, как сохранение роли ООН, евроатлантическая безопасность, верность блоковой политике (Турция – член НАТО) и союзу с Западом при одновременном поддержании и развитии добрых отношений с Россией.

Очевидно, что учет меняющейся роли «турецкого фактора» важен для сохранения и усиления международных позиций России как в целом, так и, прежде всего, на южном фланге ее внешнеполитического окружения, а также для предпринимаемых усилий по нейтрализации противоречащих российским интересам трендов на мировой арене. Отсюда – необходимость выявления ключевых особенностей современной турецкой внутренней и внешней политики, а также определения «зон сотрудничества» и «зон напряженности» в российско-турецких отношениях. Этому и посвящено данное издание.

1.

1.1.

Почти десять лет после победы на досрочных парламентских выборах в ноябре 2002 г., у власти в Турции находится Партия справедливости и развития (ПСР) Реджепа Эрдогана («демоисламисты»). На выборах 2011 г. ПСР набрала 49,95%, а основная оппозиционная сила - Народно-Республиканская партия (НРП), поддерживающая идеи первого президента Турецкой Республики Кемаля Ататюрка, - 25,94% голосов. Важным политическим игроком является также ультраправая Партия националистического действия, занявшая на выборах 2011 г. третье место с 12,98% голосов и набирающая голоса в основном во время активизации террористической деятельности и на волне обостренного восприятия угроз национальной безопасности.

До последнего времени одна из примечательных черт политической системы Турции заключалась в том, что правительство, сформированное победившей на выборах партией (или партиями) де-факто не обладало ресурсами власти и влияния достаточными для того, чтобы автономно и самостоятельно управлять страной. Эти политические силы получали не власть, а возможность делить ее с кемалистским истеблишментом, влияние которого было институционализировано в рамках Совета национальной безопасности (куда входят ключевые министры и высшее командование Вооруженных сил) и других формальных и неформальных структурах, через которые элита, прежде всего военные, оказывают влияние на текущую политику.

ПСР после неожиданной для многих победы на парламентских выборах 2002 г. не воспринималась кемалистской элитой как достойный и легитимный партнер,

способный разделить бремя власти. Даже наоборот. Несмотря на внушительный перевес по сравнению с ближайшими конкурентами, партия Р.Эрдогана оказалась в положении «мальчика для битья» - армия и военная элита явно противопоставили себя правительству и недвусмысленно высказывали сомнения в том, что ПСР действует в интересах Турции как светского государства, а не вынашивает планы превращения страны в исламскую республику.

Оказавшись в политической «осаде», ПСР вынуждена была отстаивать свое право на власть и, больше того, на свое политическое существование. В этих условиях политика «самоусиления» стала для ПСР неким синонимом и олицетворением процесса демократизации, дальнейшее расширение которой, в представлении Р.Эрдогана, непосредственно связано с «выживанием» ПСР как самостоятельной политической силы. Партией было выбрано два основных направления укрепления своей легитимности: с одной стороны, обеспечение конкретных достижений в социальной сфере; с другой – постоянное продвижение тезиса о приоритете «воли народа» и закона (и, соответственно, сил, пришедших к власти по итогам выборов) над подконтрольным кемалистской элите государственным аппаратом, армией и аналогичными институтами, сформированными не путем прямого волеизъявления народа и ему в принципе не подотчетными. Еще одним каналом наращивания политической легитимности и реального веса для правительства ПСР стала внешняя политика.

Реализация первого направления укрепления ПСР опирается на такой важный элемент внутривнутриполитической стратегии Р.Эрдогана, как симбиоз неолиберализма и патернализма. Приверженность ценностям свободного рынка у ПСР не превратилась в «рыночный фундаментализм», и правительство довольно часто, вопреки либерально-рыночным

установкам, действует в духе социального государства, адресно решая проблемы бедности и материальной поддержки граждан, лишенных возможности удовлетворять «базовые потребности». Среди наиболее разработанных каналов социальной поддержки малообеспеченных благотворительные организации, которые выступают, нередко даже открыто, в роли агентов партийно-политических структур. ПСР широко использует эту тактику для создания и поддержания образа политической силы, способной обеспечить не только развитие, но и социальную справедливость. «Государственная» благотворительность, нацеленная на сглаживание неравномерности распределения социальных благ, играет одну из ключевых ролей в укреплении социальной базы ПСР и налаживании каналов взаимодействия с обществом.

Второе направление непосредственно связано с проводимыми в Турции социально-политическими трансформациями, которые условно можно назвать «антикемалистской» революцией. Речь идет о ревизии устоявшейся модели военно-гражданских отношений и лишении военной элиты былой политической субъектности. За последние пять лет ПСР удалось, в целом, одержать верх над старой кемалистской элитой, отодвинув ее от рычагов реального влияния и серьезно дискредитировав в глазах общества.

ПСР не только провела на пост президента одного из основателей партии - Абдуллаха Гюля, но и замкнула на себя многие другие ключевые административно-политические должности, прежде жестко подконтрольные кемалистской элите. Так, ПСР поставила своего человека во главу Высшего совета по образованию – органа, контролирующего все ВУЗы страны и играющего решающую роль в назначении ректоров университетов. Следующим шагом стала фактическая кадровая реформа в судебском корпусе – традиционном бастионе

кемалистов наряду с высшим и средним офицерством. Конституционные поправки, принятые на референдуме 12 сентября 2010 г., ввели новые принципы формирования персонала судов, а правовая автономия армии, ранее неподсудной гражданским судам, была упразднена. Лишилась армия и возможности «самоочищения» - увольнение со службы обросло новыми бюрократическими процедурами и было выведено из непосредственной компетенции армейских служб, а любой уволенный получил возможность обратиться в суд.

Главный орган политического влияния военной элиты – Совет национальной безопасности (СНБ) – стал в результате реформ «более гражданским» по своему составу и лишился значительной части своего влияния на текущий политический процесс. Административные реформы января-июля 2003 г. отменили обязательное условие, чтобы генеральный секретарь СНБ был действующим генералом (первый гражданский генсек был назначен в октябре 2004 г.), так же как и его право неограниченного доступа в любую гражданскую организацию или орган власти с целью мониторинга выполнения рекомендаций СНБ, а фактически – для осуществления контроля за работой государственного аппарата. Самым же наглядным свидетельством намерений руководства ПСР в отношении военной элиты явилось изменение регулярности заседаний СНБ: они стали проводиться не ежемесячно, а раз в два месяца, что существенно осложнило использование Совета в качестве инструмента давления на текущие решения гражданского правительства.

Наконец, ПСР превратила армию и военную элиту в объект публичной критики. Образ армии, обладавшей в Турции традиционно высоким авторитетом и пользовавшейся наибольшим среди государственных институтов доверием общества (уровень доверия к армии, по данным 2006 г., колебался от 76% до 91%), откровенно порочился, а военная

элита дискредитировалась. В подконтрольных правительству СМИ публиковались многочисленные материалы, в которых приводились примеры произвола и безответственного поведения личного состава, рассказывалось о подготовке различных заговоров и планов по дестабилизации политической обстановки в стране и свержению правительства.

Поражение кемалистской элиты в противостоянии с ПСР оказало сильное воздействие на трансформацию политического ландшафта в Турции. Лояльные оппонентам Р.Эрдогана СМИ и главная оппозиционная партия – НРП вынуждены были если не принять, то учесть навязанные им правила игры. Военную элиту, особенно после кадровых чисток июля-августа 2011 г., демонстративной отставки высшего командования армии и прихода на их место лояльных власти руководителей, лишили права голоса по многим внутриполитическим вопросам, ранее де-факто находившимся у нее под контролем.

В ходе выборов 2011 г. ПСР позиционировала себя как политическая сила, гарантирующая исполнение чаяний своего электората, и укрепилась как доминантная партия. Несмотря на длительное пребывание во власти, ее популярность не снижается, а электоральный потенциал в принципе достаточен для обеспечения ей победы на свободных выборах в обозримом будущем. Неслучайно, главным лозунгом ПСР на минувших выборах стал слоган: «Турция готова. Цель - 2023 г.» (Türkiye Hedef 2023).

Расклад политических сил в Турции позволял правящему режиму Р.Эрдогана претендовать на определенную монополию, как на политическую власть, так и на процесс модернизации и демократизации. Главной целью выборов 2011 г. Эрдоган и его соратники открыто обозначили как создание инфраструктуры для реализации этих амбиций правящего режима. То есть они боролись за получение

конституционного большинства в парламенте, что позволило бы принимать законы и выступать с инициативами в обход бесплодных, с точки зрения ПСР, процедур обсуждения и достижения консенсуса. Однако на выборах они получили чуть менее 50% голосов, в новом составе меджлиса у ПСР только 326 депутатских кресел или на 4 мандата меньше необходимого минимума для выхода с проектом новой Конституции без кооперации с другими политическими силами. Это заставляет ПСР искать конструктивных союзников, но в условиях открытой конфронтации с оппозицией и агрессивного нивелирования любых своих конкурентов, как слева, так и справа, задача такого поиска существенно осложняется. А уровень поддержки ПСР со стороны населения все еще недостаточен для решения ключевых проблем внутривнутриполитического развития Турции, равно как и для запуска «Нового курса» по примеру Франклина Рузвельта в США 1930-х годов.

В активе ПСР на сегодня:

- популярность партии;
- эластичность политической стратегии правительства;
- стабильно высокие показатели экономического роста;
- дипломатические успехи, позволившие Турции выйти на новый уровень влияния, как в региональной, так и в мировой политике;
- отсутствие программы превращения Турции в исламскую республику;
- фактическое создание широкой коалиции из либералов, умеренных исламистов, бизнесменов (главным образом из восточных провинций) и части курдских националистов, лояльных в той или иной степени правящей партии.

Тем не менее, до последнего времени ни одно из названных «положительных качеств» и достижений ПСР не

позволили ей реально приступить к решению главных внутривнутриполитических проблем Турции, тормозящих процесс демократизации и препятствующих отказу от «старого» курса в пользу «нового».

Среди основных внутривнутриполитических проблем, тормозящих политическую и социально-экономическую модернизацию Турции:

- отсутствие консенсуса по курдскому вопросу и единых подходов к курдскому национализму;
- раскол общества в отношении угрозы наследию кемалистской революции (и, соответственно, светским основам республики) и неуклонно обостряющееся противостояние сторонников «умеренных исламистов» вместе с правящей ПСР, с одной стороны, и их идеологических визави - защитников лаицизма и достижений кемалистской секуляризации общества и государства, с другой.

При этом нельзя утверждать, что турецкое общество четко разделено именно по этим «линиям разлома»: сторонники обозначенных подходов во многом составляют «пересекающиеся множества» и поэтому пока не способны создать прочные и монолитные сообщества антагонистов. Однако каждая из этих групп отличается относительной сплоченностью, четкостью мировоззренческих координат, твердостью взглядов и способностью к самовоспроизводству.

Преодолеть ситуацию «разделенности» турецкого общества не удалось и в ходе широкомасштабных реформ 2000-х гг. Более того, тесно связанный с этим уровень терпимости и толерантности не только не возрос, но напротив, как показывают серьезные социологические исследования, за последнее время ощутимо снизился. Косвенным симптомом опасного снижения толерантности может, в частности, служить факт повышенного внимания к 301-й статье УК,

квалифицирующей оскорбление «турецкого национального достоинства» («турецкости», если дословно) как серьезное уголовное преступление. Не внушает оптимизма и положение с соблюдением гражданских свобод и прав человека: с весны 2007 г. именно по 301-й статье закрыты более 6 тыс. интернет-сайтов, в числе которых и всемирно известный видео-портал YouTube (доступ к нему в Турции заблокирован).

Административно-политические реформы не привели также к прекращению плохо скрываемого антагонизма, взаимного подозрения и презрения между оппозицией и ПСР, обвиняемой в наличии «скрытой программы» исламизации Турции и стремлении установить в стране авторитарную власть. В свою очередь, сама партия Р.Эрдогана не сумела стать политической силой, консолидирующей все прогрессивные движения в стране, ратующие за демократию, плюрализм и свободу слова, а также за установление демократического контроля над вооруженными силами и военной элитой.

С середины июня 2011 г., когда прошли последние всеобщие выборы, обозначенные внутривнутриполитические проблемы только усугубились. В то же время турецкое общество за 10 лет правления ПСР сильно изменилось, и можно согласиться с обозревателем газеты «Сабах» Мехметом Барласом, что «в сегодняшней Турции нет места для “военной демократии”». Да и возможности для совершения военного переворота также отсутствуют.

Важно, однако, понимать, что достигнутый ПСР баланс власти и влияния между, условно, гражданской и военной элитой напрямую связан с политическим весом самой партии и лично Р.Эрдогана и во многом носит конъюнктурный характер. Сам Р.Эрдоган расценивает политическую ситуацию как начало долговременного процесса, основанного на «прочной вере в демократию... а не сломе сопротивления тех, кто

стремится столкнуть страну с демократического пути». Однако, несмотря на оптимизм, лидер ПСР сам фактически признает, что для полноценной демократии и укрепления демократических институтов многое еще нужно сделать.

В этой связи возникает вопрос: пойдут ли ПСР и ее лидер на реальные демократические реформы, которые неизбежно придут в противоречие с авторитарными подходами самого Р.Эрдогана, или удовлетворятся сохранением status quo, продолжая заниматься укреплением своей власти и упрочением наметившейся диспозиции.

1.2.

Экономика Турции характеризуется сравнительно высокой степенью открытости для иностранного капитала, активными торгово-экономическими и финансовыми связями со странами ЕС, США и государствами-соседями, включая Россию. Турция обладает наиболее развитой в регионе инфраструктурой услуг и практически полностью обеспечивает себя продовольствием, одеждой и обувью, медикаментами, электробытовой техникой, электроникой, стройматериалами и электроэнергией.

В системе координат «душевой ВВП – ВВП» (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/01-02-11b.htm>) Турция находится в одной группе с такими странами как Бразилия, Мексика, Польша и Россия. В 2011 г. ВВП страны составил 766 млрд. долл. (рост на 7% по сравнению с предыдущим годом), а доход на душу населения - 10,4 тыс.долл. при инфляции в 10% и безработице на уровне 9%. В структуре ВВП 72% приходится на сферу услуг, 19% - на промышленность и 7% - на сельское хозяйство. Турция занимает 10-е место в мире и 6-е в Европе по выплавке стали, 15-е место в мире по производству автомобилей и 2-е в Европе по производству телевизоров, текстильных изделий, химудобрений, листового стекла,

цемента, а также является одним из пяти самых крупных в мире производителей ювелирных изделий.

В 2011 г. внешнеторговый оборот страны составил 372 млрд.долл. (экспорт – 135, импорт – 237 млрд.долл.). Наибольший вклад в экспортные поставки внесли автопром, сельское хозяйство, легкая, химическая и металлургическая промышленность. Почти 50% турецкого экспорта по-прежнему приходится на членов Евросоюза (Турция входит в Таможенный союз стран ЕС).

За последние 20-25 лет экономическая политика Турции претерпела существенные изменения. С конца 1980-х гг. дополнительные бюджетные расходы и связанные с ними бюджетные дефициты все чаще рассматривались турецкими властями в качестве средства оживления потребительского спроса и экономики в целом. Для финансирования бюджетного дефицита использовались краткосрочные иностранные займы. В итоге благополучие национальной экономики попало в зависимость от притока «горячих денег», отличающихся высокой мобильностью и чувствительностью к ухудшению экономической конъюнктуры национального рынка. Подобная схема роста неизбежно вела к кризису, который и разразился в 1994 г. Стабилизационные усилия властей в силу их недостаточной последовательности длительное время не давали результатов, и в 2001 г. Турция пережила очередной финансово-экономический кризис.

Партии справедливости и развития (ПСР) уже за первые несколько лет своего правления, благодаря гибкому сочетанию рыночных механизмов и плановых функций государства (в Турции сохраняется практика пятилетнего планирования), удалось одновременно реализовать стабилизационную программу и обеспечить финансирование социальной политики. И, хотя страна самым серьезным образом испытала на себе последствия мирового финансового кризиса 2008 г.,

правительство уже с 2010 г. смогло добиться в целом устойчиво высоких темпов роста в промышленности и торговле, а также снижения инфляционных показателей.

Важно, что экономический рост был обеспечен, главным образом, за счет растущего внутреннего спроса (хотя значительную роль сыграли и внешние заимствования). Это во многом определялось поддержкой малого и среднего предпринимательства, в частности, путем формирования так называемых Организованных промышленных зон (на сегодня производство начато в 43 ОПЗ), позволяющих за счет создания мощных промышленных комплексов с единой инфраструктурой снизить затраты предпринимателей, не затрагивая при этом их юридической и экономической самостоятельности.

Одной из новаций в сфере турецкой экономической политики стало перемещение проблемы внешних займов, и соответственно связанных с этим рисков, из сферы государственных финансов в реальный сектор экономики, путем сокращения присутствия государства в экономике и передачи инвестиционных функций частному сектору.

Относительную сбалансированность государственных доходов и расходов правительство ПСР обеспечивало и обеспечивает посредством сокращения инвестиционных расходов. Если в 2003 г. во всей системе государственных финансов инвестиции в основной капитал составляли 7,2% ВВП, то в 2009-2010 гг. - уже только 3-4%.

Власти не стремятся и к заметному росту расходов на заработную плату госслужащих, как это было в 1990-е годы, удерживая их на стабильном уровне около 20% от суммарных расходов бюджета. Но в то же время правительство заметно увеличило расходы по статьям «здравоохранение, пенсионное обеспечение и социальная помощь» (порядка 19% в 2009 и 2010 гг.), причем основная часть разнообразных социальных

программ направлена на поддержку малоимущих и полумаргинальных слоев. При этом заметно увеличиваются как объемы помощи, так и масштабы ее охвата. В итоге правительство завоевало надежные позиции у «своего» избирателя и фактически обезопасило себя от развития ситуации по сценарию «арабской весны».

К сильным сторонам турецкой экономической политики в целом можно отнести:

- высокий уровень экономической активности, отражающей устойчивый рост внутреннего спроса, который стимулируют низкие процентные ставки, стабильный приток капитала, быстрое увеличение кредитного банковского сектора;
- солидарный вклад в экономический рост практически всех крупных секторов экономики;
- устойчивый рост экспорта;
- тенденцию к повышению государственных валютных резервов;
- рост налоговых поступлений;
- снижение уровня безработицы. Причем уровень занятости среди молодежи растет быстрее, в том числе из-за преимуществ, предоставленных правительством в сфере занятости именно этой группе населения.

В то же время, достигнув макроэкономической стабильности и обеспечив на ее фоне довольно устойчивый рост, правительство ПСР не сумело решить основной проблемы турецкой экономики – преодолеть зависимость экономического развития от внешних источников финансирования. Более того, за время правления ПСР эта зависимость заметно усилилась – в 2011 г. внешняя задолженность страны достигла 310 млрд.долл., что составляет 42% ВВП.

К этому следует добавить наличие таких застарелых и пока нерешенных, проблем турецкой экономики как:

- высокая доля «теневое сектора» (по различным оценкам, от 23 до 45%);
- высокие социальные издержки (30 % населения страны живет за чертой бедности, 13,5 % - за «чертой голода»);
- традиционная значительная неравномерность распределения доходов по регионам, которую правительство пытается нивелировать дотационными пакетами (освобождение от налогов, выделение земельных участков для создания производств).

Следует также учитывать, что Турция входит в полосу турбулентности, испытаний «на прочность и гибкость». Дальнейшие процессы в экономике страны будут определяться как прочностью накопленного экономического «базиса», так и способностью турецкого руководства действовать в кризисных условиях, вовремя внося коррективы в свои программы и стратегии.

Неясно также, в какой мере удастся Турции не только нарастить, но и восстановить в условиях жесткой конкуренции свои позиции при новых элитах, приходящих во власть в регионе, - например, в Ливии, где объем замороженных турецких контрактов составил по разным сведениям порядка 15-18 млрд. долл.

1.3.

Полиэтнический и многоконфессиональный характер Турции во многом определяет как внутреннюю политику Анкары, так и турецкую политическую культуру в целом. В современной Турции, в рамках парадигмы так называемого «нового османизма», реализуется политика этнического и религиозного плюрализма.

Сегодня термин «меньшинства» воспринимается в Турции как один из наиболее распространенных атавизмов, оставшихся в наследие от республиканской истории, когда в рамках идеологии уравнивающего турецкого национализма активно пропагандировалось равенство всех этно-религиозных групп, спаянных в едином котле турецкой нации. Данный термин не принято использовать по отношению ко всем этно-религиозным группам, населяющим страну, однако способы статистического учета этих групп в Турции остаются довольно специфическими. Так, проживающие здесь алавиты (порядка 12 млн. чел.), которые считают себя последователями суфийского синкретического учения, близкого к шиизму, обозначаются в официальных статистических отчетах как отдельная этническая группа, несмотря на то, что последователями этого мезхепа являются этнические турки, курды, представители народа заза, а также криптоармяне. Такой подход позволяет занижить количество проживающих на территории Турции курдов (к которым относятся как сунниты, так и алавиты). Впрочем, он может быть отчасти оправдан тем, что в системе самоидентификации личности аланизм очень часто стоит на первом месте, а только затем следует собственно этническая принадлежность (турок, курд, заза и т.д.).

Хотя премьер-министр Турции Р. Эрдоган всячески демонстрирует солидарность с религиозной группой алавитов, они во многом настроены оппозиционно к властям и традиционно склоняются к поддержке левоцентристских светских партий (прежде всего, Народно-Республиканской).

Для современной Турции, после долгих лет «политики отрицания» национальной идентичности курдов (составляют порядка 18% общей численности населения страны), характерно смещение акцента с опасности сецессии курдских районов на необходимость пересмотра всей национальной

политики, на которой строилось и существовало современное турецкое государство. Правительство Р.Эрдогана не только признало наличие курдского вопроса в стране и осудило деятельность кемалистов (в частности, подавление восстания дерсимских курдов в 1937-1938 гг.) – был снят запрет с использования курдского языка и даже начато вещание на нем.

Достижение национального консенсуса по курдскому вопросу в его современном звучании является для Турции по существу вопросом о ее жизнеспособности как унитарного и неделимого государства.

Решая эту задачу, ПСР использует фактор политической неоднородности курдского населения Турции. Так, «автономисты» более сильны на юго-востоке страны, где руководящие посты в почти 100 местных администрациях заняты представителями Партии мира и демократии – ПМД (сателлит Партии рабочих Курдистана). Причем от выборов к выборам число занятых ими постов мэров и каймакамов (правителей округов) медленно, но неуклонно увеличивается (сегодня это города Диярбакыр, Муш, провинции Хаккяри, Битлис). Основные требования курдов, которые в той или иной степени демонстрируют поддержку ПМД, сводятся к отказу от унитарного характера республики и созданию на территории Турции курдской автономии, которую, если верить недавно рассекреченным архивным документам, планировалось создать еще в 1922 г. (основываясь на положениях Севрского и Лозаннского мирных договоров).

Особенно актуально это стремление выглядит в свете самопровозглашения в июле 2011 г. курдской культурной автономии сторонниками так называемого «Конгресса демократических сообществ», основной костяк которого составляют лица, в той или иной степени сочувствующие Партии рабочих Курдистана и поддерживающие в целом политическую линию Абдулы Оджалана. Главный тезис

наиболее радикальных курдских националистов, например таких, как Лейла Зана, - «самоопределение курдского народа». Под этим имеется в виду право самих курдов решать, в каком виде произойдет такое самоопределение: в форме культурной автономии, федерации с турками, федерации с соседними иракскими курдами или путем создания собственного независимого государства. Причем среди курдских политических элит четко прослеживается понимание того, что в угоду сохранению политических границ не должны игнорироваться интересы курдов, как единой нации, расселенной на территории четырех соседних государств (Ирак, Турция, Иран и Сирия), тем более в свете событий, происходящих сейчас на Ближнем Востоке.

В то же время, в так называемом «зеленом поясе» турецкого Курдистана (например, в таких городах как Газиантеп в провинции Ван) значительное число курдов поддерживает правящую партию – ПСР и выступает за сохранение унитарного характера Турецкой республики.

Таким образом, ввиду крайней неоднородности курдского населения Турции по политическим целям и ориентирам, даже у сторонников автономии нет единства представлений, в чем должна заключаться ее суть и где должны были бы проходить ее территориальные границы. Перспективы объединительного тренда среди курдов, проживающих в сопредельных странах, пока неопределенны, прежде всего, ввиду наличия внутри курдского этнополитического ареала серьезных разделительных линий (в частности, среди иракских курдов распространены настроения против радикализма Партии рабочих Курдистана, боевики которой, базируясь в иракском Курдистане, осуществляют террористические вылазки на территории Турции).

Правящей партии – ПСР – приходится в последнее время сталкиваться с определенными трудностями также в

связи с возрастающей политической активностью различных общественных объединений одного из крупнейших этнических меньшинств – черкесов, численность которых в стране составляет по разным данным от 2 до 5 млн. человек.

Традиционно «черкесами» в Турции называют потомков выходцев с Северного Кавказа, либо насильно выселенных с территории Российской империи в период Кавказских войн девятнадцатого века, либо покинувших ее под влиянием панисламистской пропаганды со стороны Османской империи. Часть этих переселенцев сформировала черкесскую диаспору на территории современной Турции, а другая часть проживает в государствах Ближнего Востока (например, из черкесов сформирована гвардия короля Иордании).

Национальный состав «черкесской диаспоры» весьма разнороден – это такие представители кавказских народов адыго-абхазской языковой группы, как черкесы, кабардинцы, адыги, адыги-шапсуги, абхазы, абазины и др. Зачастую к «черкесам» в Турции относят также и представителей тюркоязычных народов Северного Кавказа. Потомки переселенцев в значительной степени утратили свои национальные корни, часто даже не владеют языками предков. Однако сохранение отдельных национальных традиций в семьях потомков бывших российских подданных и передаваемые из поколения в поколение семейные предания способствовали сохранению «кавказского духа», чувства принадлежности к северокавказской и в целом кавказской общности.

Черкесская диаспора в республиканской Турции традиционно занимала антироссийские позиции. Особенно отчетливо это проявилось в период первой чеченской войны – в виде сбора средств в пользу «независимой Ичкерии», антироссийской пропаганды и отдельных «протестных акций», как, например, захват теплохода «Аврасия». В то же время

черкесы положительно восприняли позицию Москвы в связи с событиями в Косове и, в частности, переселение благодаря доброй воле России на историческую родину в аул Мафэхабль («Аул счастья», Адыгея) нескольких десятков семей косовских черкесов.

Особенно наглядно отношение «черкесской диаспоры» к России стало меняться в 2008 г., в связи с событиями вокруг Абхазии и Южной Осетии. Несмотря на то, что турецкая пресса оценивала события августа 2008 г. с прогрузинских позиций, практически все национальные объединения северокавказцев (в рядах которых Грузия традиционно не пользуется популярностью) приняли российскую сторону и активно поддержали ее действия и оказание гуманитарной помощи южноосетинскому народу. Отрицательно отнеслись черкесы и к появлению в Черном море кораблей НАТО, соответственно, приветствуя позицию Турции, которая воспрепятствовала проходу через проливы двух из американских кораблей.

Черкесы – одна из наиболее активно проявляющих себя в Турции кавказских диаспор. Причем финансовую и организационную поддержку многим «черкесским национальным организациям» оказывает американская организация «Джеймстаун фаундейшн», в деятельности которой принимают самое активное участие Збигнев Бжезинский и бывший директор ЦРУ Джеймс Вулси. США и ЕС выступают с инициативами по приданию «черкесскому вопросу» широкого международного звучания, а парламент Грузии принял резолюцию о признании «геноцида черкесского народа» в царской России. Все эти шаги были без энтузиазма встречены официальными властями Турции и не получили однозначной поддержки в рядах турецкой элиты.

В целом, в «черкесском вопросе» турецкое руководство занимает сегодня взвешенную позицию. Понимая, в частности,

что удовлетворение таких требований ряда черкесских организаций, как введение в систему начального и среднего образования преподавания «черкесского языка», а также организация на этом языке теле- и радиовещания, может спровоцировать активизацию сепаратистских настроений среди других национальных меньшинств Турции.

И все же, несмотря на предпринимаемые усилия, правящая Партия справедливости и развития не смогла пока не только основательно уменьшить политическую и социальную напряженность по национальному вопросу, но даже обозначить ключевые подходы к методам его решения.

2.

2.1.

Турция, претендующая сегодня на ведущие роли в региональной и мировой геэкономике (в т.ч. в становлении новой энергокоммуникационной системы), особое внимание уделяет формированию внешнего пояса безопасности.

Отличительная особенность турецкой внешней политики – наличие глубоко проработанной концептуальной основы. Отражая политические взгляды и идеологию правящей Партии справедливости и развития, она сочетает элементы устоявшихся кемалистских, умеренно-исламистских и современных подходов к проблематике международных отношений, демократии и прав человека, в силу чего пользуется широкой поддержкой в обществе.

Концепция внешней политики Турции по праву связывается с именем Ахмета Давутоглу, с 2009 г. возглавляющего МИД. Профессор Стамбульского университета, политсоветник Р.Эрдогана, он вошел в 2011 г. в число 100 лучших политологов мира по версии журнала «Форин Аффферс». В книге А.Давутоглу «Стратегическая глубина» (2001) найден удачный баланс между традиционным для Турции евразийством, подавленными имперскими комплексами («неоосманизм») и адаптированными к региональным реалиям подходами, характерными для западной политологии. Набор этих идей, в сущности, и является визитной карточкой феномена, получившего название «турецкой модели».

Центральная, стержневая идея концепции «стратегической глубины» А.Давутоглу состоит в сочетании таких целевых установок, как утверждение роли Турции в

качестве регионального лидера и повышение ее влияния в глобальной политике с использованием выгодного геополитического положения на стыке двух континентов и цивилизаций, исторического опыта, экономической и культурной привлекательности для соседей. Принципиально важен и продвигаемый А.Давутоглу тезис о демократии как предпосылке устойчивого социально-экономического развития.

Главной, потенциально опасной особенностью современного этапа международных отношений в Турции считают то обстоятельство, что «холодная война» закончилась без коллективных договоренностей об основах нового миропорядка. Отмечая серьезное ослабление международных механизмов сдерживания, в том числе ядерного нераспространения, Анкара выступает за сохранение ключевой роли ООН, обновление концепции евроатлантической безопасности, которая включала бы в себя Россию, и особенно активно поддерживает новые международные форматы (например, «Группу двадцати» - G20).

Своеобразную сверхзадачу дипломатии в Анкаре видят в том, чтобы гармонизировать блоковую ответственность, как члена НАТО, с самостоятельной линией в региональных делах. Такой подход мотивируется, в том числе и тем, что Турция является многонациональной страной, а значит конфликты на Балканах, Южном Кавказе и Ближнем Востоке имеют для нее и внутривосточную составляющую. Отсюда – обозначенная в концепции «стратегической глубины» линия на «нулевой уровень проблем» с соседями.

В концепции ставится также задача активного посредничества в урегулировании отложенных, «замороженных» конфликтов по периметру границ Турции – от Нагорного Карабаха до Кипра, включая Ирак, Иран, Сирию-Израиль, внутривосточное примирение, Ливан. При этом

Анкара выступает за системный подход к возникающим проблемам, выработку единых принципов урегулирования региональных конфликтов на Ближнем Востоке, в Центральной Азии или на Балканах, отдавая приоритет использованию «мягкой силы» при сохранении потенциала экономического и военного воздействия.

Вместе с тем по мере реализации Турцией ее посреднических усилий рельефно проявился разрыв между их «высоким профилем» и низкой результативностью. В частности, не получили развития турецкая инициатива обогащения иранского урана на своей территории, посредничество в переговорах между Сирией и Израилем по статусу Голанских высот, попытки подключиться к работе «ближневосточного квартета» (квартет по ближневосточному урегулированию в составе ЕС, России, США и ООН). Во всех этих ситуациях негативную роль сыграла переоценка турецкой дипломатией собственных возможностей, попытки вести собственную игру вне сложившихся международных и региональных форматов.

Следует иметь в виду, что в своей реальной внешней политике турки – жесткие прагматики, готовые отстаивать свои интересы, в том числе, и на «противоходе» с союзниками, как на Востоке, так и на Западе. Отсюда, например, принципиально разные позиции по Ираку - «антизападные» и по Косово или Сирии - «прозападные», а также положенный в основу практической деятельности на международной арене принцип «ритмичной дипломатии». В соответствии с этим принципом, Турция – непостоянный член Совета Безопасности; возглавляет три важных комитета ООН – по Афганистану, КНДР и борьбе с терроризмом; является председателем Организации исламского сотрудничества; выступает как наблюдатель в Лиге Арабских государств и Африканском союзе.

В целом можно констатировать, что Турция, при всех противоречиях и трудностях в своей политике на международной арене, вырастает в серьезного глобального игрока, занимающего близкие России позиции по широкому кругу вопросов.

2.2.

«

»

Базовыми элементами турецкой внешней политики остаются членство в НАТО и углубление связей с Европейским Союзом.

С момента своего вступления в НАТО в 1952 г. Турция почти полвека считалась южным форпостом этого блока, непосредственно противостоящим государствам Варшавского договора во главе с Советским Союзом. В течение всего периода «холодной войны» Турция в полном объеме опиралась на НАТО в вопросах обеспечения своей безопасности. После распада СССР и самоликвидации Варшавского блока ситуация изменилась. В последнее время ряд западных экспертов все чаще озвучивают мнение о том, что связь Турции с США и НАТО постепенно ослабевает. Но это ослабление носит, в известной мере, «идеологический» характер, поскольку согласно концепции «стратегической глубины» Турция не должна продолжать ориентироваться в вопросах безопасности лишь на НАТО и США, но последовательно развивать отношения с Россией, Китаем, Ираном и мусульманским миром в целом. В развитие этой концепции Турция, в частности, наращивая торгово-экономические отношения с Россией и Китаем, заметно активизировала в последнее время и свои военные связи с этими странами.

В то же время усиление этого тренда не означает изменения военно-политической стратегии Анкары. Пока это, скорее, сигнал американцам и европейским странам-членам

НАТО, призванный еще раз подчеркнуть стратегическую важность Турции и подтолкнуть партнеров к тактическим уступкам, прежде всего, в важных для нее вопросах евроинтеграции. Туркам с их давней и глубокой вовлеченностью в евроатлантические структуры件нятно, что НАТО будет продолжать оставаться одним из важных стратегических инструментов США, посредством которого обеспечивается участие Вашингтона в европейских делах. (Принятая в Лиссабоне в декабре 2010 г. стратегическая концепция блока полностью совпадает с положениями стратегии национальной безопасности США, одним из которых является «вовлечение и сдерживание» Турции). При этом, несомненно, НАТО будет продолжать оказывать давление на Турцию, чтобы не допустить ее дальнейшего сближения с Россией и Ираном.

Противоречия между Турцией и США формировались на протяжении десятилетий и достигли своей кульминации при администрации Дж.Буша м.л., причем отнюдь не только из-за того, что Турция не поддержала войну в Ираке. Сыграло роль, прежде всего, нежелание США в полной мере учитывать интересы государства, демонстрирующего намерение играть самостоятельную роль на региональной и мировой арене. Проблемы во взаимоотношениях двух стран в последние годы только усугубляются, в связи с признанием США геноцида армян; негласной, но очевидной поддержкой американцами иракских курдов; блокированием усилий Турции в Черноморско-Кавказском регионе, Центральной Азии и на Ближнем Востоке.

Нельзя сбрасывать со счетов и то важное обстоятельство, что в условиях глобализационной унификации государств и альянсов более весомую роль начинает играть цивилизационный фактор. И НАТО рано или поздно придется определяться в вопросе предоставления своим членам и

партнерам гарантии безопасности с учетом цивилизационных или ценностных принципов. В Анкаре опасаются, что в случае нарастания радикальных тенденций в исламском мире место и роль Турции в альянсе могут быть подвергнуты серьезному переосмыслению. В этом контексте вопрос обеспечения баланса отношений со странами региона и НАТО приобретает для турок принципиальное значение.

Характерным примером сегодняшнего поиска такого баланса стала позиция Турции по проблеме противоракетной обороны (ПРО). Турецкое правительство не предприняло реальных шагов, которые могли бы воспрепятствовать осуществлению натовских программ размещения системы ПРО в Южной Европе. Более того, Турция согласилась с предложением США разместить на территории своей страны радиолокационную станцию в качестве элемента такой системы.

На Лиссабонском саммите Турция дала согласие на участие в ЕвроПРО НАТО при условии, что эта система не будет направлена конкретно против ее соседей. Сегодняшнее руководство Турции явно не заинтересовано в том, чтобы предлагаемая американцами программа ПРО была направлена против России или Ирана, которые в последнее время были изъяты из списка вероятных противников, отмеченных в турецкой концепции национальной безопасности. А.Давутоглу заявил, что отныне Турция не допустит, чтобы ее превратили в «прифронтовую страну», как это было в период «холодной войны». А президент Турции А.Гюль в своем выступлении на саммите подчеркнул, что при вынесении решений в рамках НАТО Турция будет руководствоваться, прежде всего, своими собственными интересами и только потом – принципом солидарности с союзниками (соответственно, должен быть механизм, который позволит Турции в нужный момент воспользоваться правом вето).

Однако, несмотря на эти заявления, в реальном политическом пространстве все осталось на своих местах. Так, представители Министерства обороны США отмечают, что в случае возможного конфликта с Ираном Турция окажется «на линии огня». И хотя Анкаре удалось добиться изъятия из решений Лиссабонского саммита упоминания Ирана, президент Франции Саркози без обиняков заявил, что программа ЕвроПРО будет направлена на защиту Европы от иранских ракет, а Румыния и Болгария согласились предоставить свои территории для размещения элементов натовской ПРО, рассматривая Иран в качестве основного противника.

Другой волнующий Турцию в отношениях с НАТО вопрос – военное сотрудничество НАТО-ЕС. Сегодня ему мешает турецкая позиция в отношении урегулирования Кипрского вопроса. Оказываемое Евросоюзом содействие Кипру как своему члену – серьезная преграда в деле вступления Турции в ЕС. В то же время Анкара препятствует проведению встреч между НАТО и представителями комитета Евросоюза по вопросам политики и безопасности, утверждая, что Кипр не является членом или партнером НАТО.

Вступление в ЕС остается одним из приоритетов турецкой внешней политики. Есть страны, поддерживающие в целом идею приема Турции – Великобритания, Италия, Испания, Швеция, Финляндия. Но пока темпы продвижения в этом вопросе зависят в основном от скептического отношения к полноправному членству Турции таких ведущих стран ЕС, как Франция и Германия, ссылающихся на нерешенность кипрского и курдского вопросов.

Сегодня за европерспективу высказывается примерно 45% населения Турции, однако поддержка этого курса постепенно снижается. Тем не менее, правящая турецкая элита полагает, что процесс евроинтеграции, даже если он не

получит логического завершения, оказывает благотворное влияние на социально-экономическое развитие страны. Поэтому существует внутренняя дорожная карта еврореформ и утверждена третья по счету программа по приведению турецкого законодательства в соответствие с законодательством ЕС.

2.3.

–

Отношения между двумя ведущими региональными державами – Турцией и Ираном представляют собой сегодня сложный баланс элементов соперничества и сотрудничества.

В числе «факторов соперничества» необходимо, прежде всего, отметить открытое стремление обеих стран стать региональным лидером (соответствующие целевые установки сформулированы в Стратегии развития Турции до 2023 г. и в Перспективном плане развития Ирана до 2025г.). При этом включение в зону региональных интересов тех или иных территорий варьируется в зависимости от мировой политической конъюнктуры, а также конкретных задач развития. В настоящее время в ближне-средневосточном ракурсе интересы Турции больше смещены к Ближнему Востоку и Северной Африке, для Ирана же не менее актуальным остается афгано-пакистанское направление, а также зона Персидского залива.

Конечно, обе страны пытаются утвердиться в арабском мире, но острота соперничества сглаживается разной степенью важности отдельных арабских стран для Турции и Ирана. При этом для обоих «соперников» очень важно укрепление своих позиций в Египте, а наиболее чувствительной болевой точкой в отношениях между Анкарой и Тегераном стала Сирия. Для исламского Ирана режим шиитского меньшинства в Сирии остается основным региональным союзником в противостоянии с Израилем. И хотя отношение к Б.Асаду

становится все более критичным, Иран опасается, что его уход вызовет всплеск конфессиональных и национальных противоречий, которые дестабилизируют обстановку в Турции, Ираке и самом Иране. Турки, напротив, связывают с уходом Б.Асада шанс избежать гражданской войны в Сирии с негативной проекцией на соседние страны.

В целом конкретные подходы к странам «арабской весны» начинают все более определяться принципиальными различиями в политических моделях. Турция демонстрирует успешный пример управления светским государством партией исламского толка, а Иран считает исламское правление оптимальной формой демократизации мусульманского общества. Предметом расхождений является и идеологическое определение сути «арабской весны»: Анкара рассматривает народные движения как процесс перехода от деспотических режимов к демократии, а Тегеран расценивает эти движения как исламскую революцию.

Руководство обеих стран заявляет об отсутствии между ними конфессиональных противоречий, однако в своей региональной политике и Иран, и Турция вынуждены учитывать растущие суннитско-шиитские разногласия. Кроме того, обе страны не мононациональны, и наличие многомиллионного тюркского населения в Иране, и курдского населения – по обе стороны границы, позволяет не доводить имеющиеся противоречия до уровня противостояния. В отношениях же с арабским миром национальный фактор играет, скорее, неоднозначную роль и для Ирана, и для Турции. Несмотря на общее с арабами османское прошлое, Турция воспринимается более настороженно, чем, например, Иран тюркоязычными (и к тому же суннитскими) народами Центральной Азии, исторически входившими с Ираном в разные государственные образования.

Наиболее «жестким» разъединяющим фактором остается преимущественно западная ориентация политики Турции. Турция является членом НАТО, Иран же – активный противник расширения блока, особенно на Кавказ. Тем не менее, в определенных ситуациях именно этот фактор позволяет Турции выступать в качестве эксклюзивного канала связи, особенно ценного, когда напряжение вокруг иранской ядерной программы нарастает.

К «факторам сотрудничества» для Турции и Ирана следует отнести сравнимый демографический и экономический потенциалы, а также сближение реализуемых экономических моделей. Иран в 2011 г. начал масштабные рыночные реформы, а Турция, в свою очередь, последние годы активно развивает «исламский бизнес» - вакфы, втягивая в общенациональный рынок традиционные слои населения. (Вакф – исламский институт благотворительности – используется в самых различных сферах общественной жизни путем передачи в пользование мусульманам таких объектов как библиотеки, медресе, казармы, рынки, магазины, поликлиники, больницы).

Важнейший долговременный фактор сотрудничества - взаимодополняемость экономик двух стран и, как следствие, растущий товарооборот. В 2011 г. его объем превысил 15 млрд. долл. (поставлена задача достичь уровня в 20-30 млрд. долл.). Иран входит в десятку крупнейших торговых партнеров Турции, занимая (по данным 2010 г.) 7-е место в турецком импорте и 10-е в экспорте, а Турция занимает 5-е место в иранском экспорте и 8-е в импорте. Особенно активны контакты в области поставки энергоресурсов – Иран является вторым по величине после России поставщиком природного газа в Турцию (20% в общем объеме импорта газа), а также обеспечивает 30% закупаемой Турцией нефти.

К сближающим факторам можно отнести также антиизраильские настроения Турции, которые используются сейчас ею как тактический ход, но могут носить и долговременный характер, поскольку уровень военно-технического сотрудничества Турции с Западом высок и без участия израильских компаний.

Столь противоречивая мотивация определяет сложную динамику турецко-иранских отношений. В настоящее время преобладают соображения взаимной заинтересованности. Турки последовательно выступают за урегулирование ситуации вокруг иранской ядерной программы исключительно политико-дипломатическими средствами, не участвуют в санкционном давлении Евросоюза на Тегеран, оставляя за собой роль посредника, пользующегося доверием обеих сторон.

В ближайшей и среднесрочной перспективе речь о партнерстве высокого уровня (стратегическом) между Турцией и Ираном не идет, но возможность тактического союза двух стран в масштабе региональной политики вполне вероятна. К тому же дальнейшее развитие ситуации вокруг Ирана будет в значительной мере определять и стратегическую, и тактическую линии Турции в региональных делах.

2.4. « »

С приходом к власти Партии справедливости и развития в 2002 г. Турция значительно укрепила свой статус региональной державы. Выйдя на мировую арену с концепцией «стратегической глубины», Анкара неожиданно для многих начала выдвигаться на роль одного из ключевых игроков на Большом Ближнем Востоке.

«Арабская весна» заставила турецкое руководство действовать на региональной арене еще более решительно, что, однако, далеко не всегда оборачивается новыми успехами.

«Нулевой уровень проблем» подчас превращается для Турции в «массу проблем» с соседями, как это случилось применительно к Сирии. В связи с событиями в Сирии Анкара начала с дружественных предупреждений, перешла к настойчивым требованиям, а в итоге - «взорвала мосты» и начала действовать совместно с западным сообществом, предоставив «свободной сирийской армии» не только свою территорию для обучения, но и оружие. Впрочем, ожидания скорого падения режима Б. Асада, пока не оправдались.

Большим испытанием для внутри- и внешнеполитического курса Анкары стал конфликт в Сирии, вызвавший большой резонанс во всех слоях турецкого общества. Прямым следствием гуманитарного кризиса в Сирии стал поток беженцев – 136 тысяч человек на территории Турции (на 6 декабря 2012 г.) (<http://data.unhcr.org/syrianrefugees/regional.php>)

Кроме того, Турция несет убытки от прекращения торговли с Сирией. 6 декабря 2011 г. было приостановлено действие двустороннего договора о сотрудничестве (от 2004 г.) (<http://www.economy.gov.tr>). Также в результате конфликта перерезанными оказались важные пути сообщения.

Социально-экономическими трудностями не преминула воспользоваться турецкая оппозиция: Республиканская народная партия, критикуя политику Эрдогана, акцентирует внимание общественности на том, что закрытая Сирия стала огромной потерей в торгово-экономической сфере. Ирак, Иран, Армения, Сирия – Турция стремительно теряет региональные связи, а заявленная Анкарой политика «ноль проблем с соседями» в таком контексте выглядит всё более абсурдной.

Особую опасность для Анкары представляет усиление курдского сепаратизма, который получил новый импульс от сирийских курдов, объявивших о создании автономии на севере страны, на границе с Турцией.

В ответ на сепаратистскую угрозу Анкара развернула активную кампанию по уничтожению курдских боевиков на своей территории. При этом представители армии утверждают, что, если Турция начнёт военные действия против Сирии, Дамаск решительно разыграет карту РПК – будет вооружать турецких сепаратистов. Собственно, никто не скрывает, что Анкара уже действует подобным образом в отношении Сирии.

Армия подавлена множественными обвинениями в заговорах с целью военного переворота – и, с точки зрения военных, сейчас далеко не самое лучшее время, чтобы начинать войну.

Затянувшийся конфликт в Сирии чреват для Турции большими издержками, но решительные действия со стороны Анкары повлекли бы за собой ещё более серьёзные последствия. Подтверждение тому – инциденты на границе двух стран, а также массовые демонстрации в турецких городах против вмешательства во внутренние дела Сирии.

По результатам социологического опроса, проведённого Центром стратегических и социальных исследований «Метрополл» в сентябре 2012 г., 56% респондентов считают, что политика Анкары в отношении сирийского кризиса неэффективна. Только 28% опрошенных одобряют действия правительства. При этом 76% выступают против военного вмешательства (при условии поддержки НАТО, 58% – против военного вмешательства - <http://www.metropoll.com.tr>).

Многие турецкие политологи утверждают, что политика Анкары в отношении Сирии оказалась полностью несостоятельной. Во-первых, изначально неверная оценка была дана потенциалу правительственных и оппозиционных сил; во-вторых, непредвиденной оказалась жёсткая позиция России, Ирана и КНР; в-третьих, Анкара до последнего рассчитывала на поддержку со стороны НАТО.

Среди турецких экспертов довольно распространено мнение о том, что в сирийском конфликте Анкара стала проводником политики США на Ближнем Востоке, причем в ущерб своему региональному статусу.

Кроме того, критике подвергается «погружение» турецкого внешнеполитического курса в региональные проблемы и уход от европейского вектора внешней политики. Концентрация внешнеполитической активности на сирийской проблематике нарушает геополитический код Турции («мост» между Европой и Азией).

Таким образом, вмешательство в сирийский конфликт поставило Турцию на грань внутривнутриполитического кризиса. При этом бездействие правительства во внешнеполитической сфере и усиление антитеррористических мер, направленных против курдов, негативно сказывается на его репутации.

Турецкие руководители продолжают исходить из того, что следствием «арабской весны» станет трансформация не только политических режимов, но и региональной подсистемы международных отношений на Ближнем Востоке. Что откроет возможность активного участия Турции в формировании нового порядка в регионе. И в первый зарубежный вояж после триумфальных выборов 2011 г. премьер-министр Турции Р.Эрдоган отправился по странам «победившей арабской весны» - Египет, Тунис, Ливию. Однако единственной площадкой, где глава правительства Турции получил возможность полностью развернуть свои «тезисы», было заседание министров иностранных дел Лиги арабских государств. Выступая на нем и стремясь привлечь симпатии населения арабских стран, Р.Эрдоган использовал такие беспроблемные приемы, как дистанцирование от авторитарных режимов и критика Израиля (он даже призвал к признанию Генассамблеей ООН Государства Палестина). В

целом, однако, итоги вояжа турецкого премьера по региону оказались неоднозначными.

С одной стороны, можно говорить об известных успехах турецкой внешней политики в ходе «арабской весны», об усилении влияния и популярности Турции в регионе. Так, по результатам опроса общественного мнения, проведенного в пяти арабских странах (Марокко, Иордания, Египет, Объединенные Арабские Эмираты и Ливан) и представленным профессором Мэрилендского университета и сотрудником Брукингского института Ш. Телами (Shibley Telhami) в ноябре 2011 г., респонденты назвали Турцию «страной, которая в наибольшей степени выиграла от арабской весны». Они также оценили ее роль на Ближнем Востоке как самую конструктивную, в сравнении с другими странами. Среди всех иностранных лидеров наибольшие симпатии у опрошенных вызывает именно премьер-министр Турции Р.Эрдоган (<http://www.brookings.edu/research/reports/2011/11/21-arab-public-opinion-telhami>).

Но с другой стороны, по мнению заместителя председателя турецкого Центра международных и стратегических исследований ((TURKSAM) доктора Дж. Явуза, турецкая политика, декларировавшая «ноль проблем с соседями», полностью обанкротилась, и «Турция начала приобретать врагов в лице соседей, вследствие чего страна вошла в 2012 г. с тяжелыми потерями». Влиятельные на Ближнем Востоке политические фигуры начали обвинять Анкару «во вмешательстве во внутренние дела других государств», называя это неприемлемым, причем свой ощутимый вклад в такую реакцию, помимо сирийских событий, внесли сделанные Р.Эрдоганом в Каире заявления, направленные на популяризацию турецкого опыта построения светского демократического государства в мусульманской стране.

С 2010 г., когда израильский спецназ уничтожил девять граждан Турции при захвате корабля «Мави Мармара»,

направлявшегося в сектор Газа в составе гуманитарного конвоя, остаются напряженными и отношения между двумя бывшими союзниками – Турцией и Израилем. Турецкая сторона потребовала, чтобы Израиль извинился и выплатил компенсацию за гибель людей (позднее было добавлено третье требование – снятие блокады сектора Газа), но, несмотря на попытки США сгладить противоречия, израильское руководство отказалось полностью удовлетворить требования Турции.

Нынешнее состояние и перспективы развития турецко-израильских отношений нельзя рассматривать вне контекста внешнеполитической стратегии Турции. Стране предстоит сделать выбор: либо она останется «мягкой силой», которая придерживается политики «ноль проблем с соседями», в том числе, сохраняя контакты с Израилем, либо становится «жесткой силой» (имеющей к тому же наиболее сильный флот в Восточном Средиземноморье) с соответствующей негативной проекцией на отношения с Израилем и соседними странами.

Пока же и Турция, и Израиль продолжают обмениваться официальными заявлениями о неготовности к взаимным уступкам. В то же время неофициальный поиск компромиссных развязок продолжается. В частности, Р.Эрдоган и другие видные турецкие политики с конца 2011 г. отказались от антиизраильской риторики. В конце ноября 2011 г. Израиль передал Турции пять беспилотных летательных аппаратов «Херон», а израильские техники прибыли на

турецкую военную базу для ремонта беспилотников, осуществляющих наблюдение за курдскими сепаратистами. Это – первое появление израильских специалистов в Турции после обострения отношений, позволяющее говорить о возобновлении турецко-израильского военного сотрудничества.

В Турции обратили внимание и на «сигнал Израиля на нормализацию отношений с Анкарой». Именно так было оценено заявление заместителя министра иностранных дел Израиля Д.Аялона в Лондоне в Chatham House в январе 2012 года. Д.Аялон, в частности, сказал следующее: «Мы высоко ценим Турцию и турецкий народ. Турция является великой страной и всегда была мостом между Востоком и Западом. Израиль очень хочет нормализовать отношения с Турцией. В прошлом году наши торговые отношения выросли на 33%, и это указывает на желание наших народов сотрудничать в обстановке совместной заинтересованности и согласия. Нужно избегать подстрекательских высказываний. Мы желаем, чтобы по «Мави Мармара» было достигнуто взаимоприемлемое решение, и этот вопрос больше не поднимался». Далее Д.Аялон подчеркнул: «Мы должны хладнокровно все обдумать, и со временем у нас будут крепкие связи в области экономики, политики, науки».

Необходимо подчеркнуть, что одной из причин нынешнего осложнения турецко-израильских отношений является стремление Анкары дистанцироваться от возможного силового решения иранской ядерной проблемы.

В целом, при сохранении сбалансированного политического курса Турция имеет все возможности для реализации своих интересов в регионах Ближнего Востока и Северной Африки. Причем эффективным инструментом для усиления ее региональных позиций может стать расширение экономических контактов в условиях явно назревающей в

странах «арабской весны» смены парадигмы социально-экономического развития и связанного с этим перераспределения национального богатства.

3.

-

3.1.

-

Благодаря активному политическому диалогу на высшем уровне между президентами и премьерами двух стран (с декабря 2004 г. состоялось более 20 официальных и неофициальных встреч), создан благоприятный политический и деловой климат и условия для многопланового, по ряду параметров стратегического, партнерства России и Турции. В его основе – растущая близость подходов двух стран к актуальным международным и региональным проблемам. Анкара выступает за безусловный приоритет политико-дипломатических методов урегулирования локальных конфликтов, стремится учитывать интересы и озабоченности России на постсоветском пространстве. Наши страны активно сотрудничают в Организации черноморского экономического сотрудничества и взаимодействуют в рамках операции «Черноморская гармония», которая является уникальным примером совместного подхода России и страны-члена НАТО к борьбе с новыми вызовами и угрозами.

Образован Совет сотрудничества высшего уровня, возглавляемый президентами двух стран, действуют Российско-Турецкий деловой совет и Смешанная межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. По итогам X заседания этой Комиссии (5-6 мая 2010 г., Анкара) подписаны Межправительственные Протоколы о сотрудничестве в нефтяной и газовой сферах. В качестве приоритетных областей сотрудничества определены: атомная энергетика, судостроительная, авиационная и

космическая отрасли, фармацевтика, транспортная сфера, промышленность, банковская сфера и взаимодействие национальных рынков капитала двух стран.

Структуры экономик двух стран в немалой степени имеют взаимодополняемый характер. А для успешного развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества создана солидная договорно-правовая база (соглашения о взаимном поощрении и защите капиталовложений, о предотвращении двойного налогообложения и др.).

Географическая близость (что удешевляет доставку грузов и людей), накопленный за последние десятилетия значительный опыт в торгово-экономических отношениях, богатейшие сырьевые ресурсы России, ее емкий рынок и развитая инфраструктура при относительно благоприятном инвестиционном климате, а также введенный в 2011 г. безвизовый режим для граждан, - все это делает Россию привлекательной для турецких бизнесменов. В 2011 г. товарооборот между Россией и Турцией составил 32 млрд.долл. при положительном сальдо для России в 19 млрд.долл. (экспорт - 25,5 млрд.долл., импорт - 6,5 млрд.долл.). Во внешней торговле Турции Россия занимает второе место после Германии, а Турция - 12-е место в торговле с Россией. Отрицательное сальдо Турция частично покрывает доходами от туризма и перевозок внешнеторговых грузов, а также за счет переводов средств строительных и других компаний и турецких граждан, работающих в России.

В структуре российского экспорта основная доля - 70% - приходится на энергоносители (природный газ, нефть, нефтепродукты, уголь). Экспортируются также черные и цветные металлы, продукция лесной, нефтехимической, целлюлозно-бумажной промышленности, зерно, жмыхи и др. При этом основными компаниями-экспортерами являются

Газпром, Лукойл, Сибнефть, Роснефть, Татнефть, Норильский никель, Сибирский алюминий, Северсталь, Нижнекамскнефтехим, Сургутнефтегаз, Магнитогорский металлургический комбинат, Алмазы Якутии и др. В структуре основных статей российского импорта из Турции промышленное оборудование и транспортные средства составляют 32%, продовольствие - 25%, текстильная продукция - 20%.

Возрастающий объем взаимопоставляемых внешнеторговых грузов требует модернизации и дальнейшего развития транспортной инфраструктуры. Для этого ведется работа по организации смешанного международного железнодорожно-паромного сообщения через порты Кавказ (Россия) и Самсун (Турция), а также по созданию российско-турецкого логистического центра в районе порта Кавказ.

В последние годы инвестиционное сотрудничество двух стран приобретает все более динамичный характер. Объем инвестиций турецких компаний и фирм в российскую экономику постоянно увеличивается и на сегодня достиг 8 млрд.долл. (основные вложения – в промышленность, энергетику, сельское хозяйство, сферы недвижимости, услуг, логистики). При этом турецкие инвестиции поступают в Россию как по линии крупного капитала, так и от малого и среднего бизнеса. Наиболее активными инвесторами являются такие компании и фирмы как Пашабахче, Анадолу Джам Санай – Русджям, Эфес Пильзень, Энка, Вестель, Беко, Эдзажибашы, Зорлу Энержи-Тач-Текстиль, Кастамону Энтегре, Витра, Чалкан, Колинс, Ренесанс, Эвяп, Ростурпласт, Винтек, Бойдак-Истикбаль, Ежа Серель, Эста Групп и др.

Сегодня в регионах России в различных отраслях экономики действует около 2 тыс. турецких компаний и фирм, в которых занято около 100 тыс. турецких граждан (квалифицированные рабочие, техники, инженеры,

менеджеры). Наиболее активно развивают с турецкими компаниями и фирмами торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество такие регионы России, как Татарстан, Башкортостан, Московская, Владимирская, Ивановская, Калужская, Ростовская области, Краснодарский и Ставропольский края, республики Северного Кавказа.

За последние 15 лет турецкие компании и фирмы построили в России более 50 высокотехнологичных предприятий и цехов в различных отраслях. Причем в частичном финансировании их строительства участвуют действующие в России отделения 7 турецких банков. В числе этих объектов заводы (по производству телевизоров, холодильников, стиральных машин и другой бытовой техники, автодеталей, сельхозтехники, текстиля, швейных изделий и фурнитуры, обуви, сантехники, бытовой химии, строительных материалов, продовольственных товаров), а также гостиницы, торговые и деловые центры, предприятия бытового обслуживания и др. Турецкие строительные компании участвуют в сооружении объектов Сочинской Олимпиады.

Компания «Зорлу» завершила строительство Терешковской и Кожуховской ГТЭС (с газотурбинными блоками) в Московской области. Консорциум компании «Гамма» и американской «Дженерал Электрик» начал строительство двух ТЭС суммарной мощностью 800 МВт в г.Сургуте (объем инвестиций – 770 млн.долл.) и получил заказ на строительство энергоблока для ГТЭС «Шатура» (объем инвестиций – 377 млн.долл.).

В настоящее время в Татарстане компания «Кастамону Энтегре» создает крупнейший в Европе деревообрабатывающий комплекс (общий объем капиталовложений 1 млрд. долл.). Достигнуты договоренности о строительстве в особой экономической зоне промышленно-производственного типа «Алабуга» совместного

автокомпонентного комплекса, а также завода плоского стекла. В г. Владимир компания «Бойдак – Истикляль» начала строительство первой очереди мебельной фабрики (объем инвестиций 30 млн. долл.). Намечена реализация проектов по строительству заводов по производству стеклотары в Новосибирске и Краснодарском крае (суммарные инвестиции около 200 млн. евро), ковров и ковровых изделий в Ростове-на-Дону (680 млн. руб.), по сборке сельхозтехники в Краснодарском крае, а также металлургического завода в Ростовской области (130 млн. долл.).

В Турции накоплен позитивный опыт создания вблизи крупных городов (областного масштаба) так называемых Организованных промышленных зон (ОПЗ). Одна из них находится в районе г. Анкары, где на площади около 4 млн. кв. м во взаимодействии с крупными заводами и фабриками страны функционирует 5 тыс. предприятий, выпускающих несколько тысяч наименований продукции в 17-ти отраслях турецкой экономики, включая оборонную промышленность. Там же создан необходимый социально-бытовой комплекс.

Этот опыт турецкие компании хотят перенести в Россию. Так, подобная промзона с собственной электростанцией начала действовать в Ивановской области – там обосновываются турецкие текстильные компании. Во Владимирской области, в Александровском районе, на территории в 85 га создается ОПЗ, где смогут действовать 35-40 предприятий (турецкие, российские и из других стран). Крупная турецкая строительная компания «РЕНЕСАНС», ТПП Ленинградской обл. и ТПП г. Анкары договорились о создании еще большей промзоны в Ленинградской обл.

Инвестиции российских компаний и фирм в турецкую экономику (без учета АЭС «Аккую») достигли 7 млрд. долл. Начав с малых и средних предприятий в сфере услуг и туризма,

инвесторы укрепились в таких сферах как недвижимость, сотовая связь, черная металлургия, топливно-энергетический комплекс, преодолев серьезную конкуренцию со стороны компаний Западной Европы, США, Японии, Китая, Южной Кореи, Индии.

В числе наиболее значимых и масштабных по объему инвестиционных проектов можно назвать следующие:

- ОАО «Лукойл» за 555 млн. долл. приобрела 770 АЗС с 8 терминалами для хранения более 200 тыс.т нефти. ОАО «Стройтрансгаз» рассматривает возможность участия в создании подземного газохранилища под оз.Туз и в приватизации Стамбульской газораспределительной компании. Российская «Альфа Групп» за 3,3 млрд.долл. приобрела 13,2% акций крупнейшего турецкого оператора сотовой связи «Тюрксель».

- ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» создает в г. Искендеруне современный комплекс суммарной мощностью 3 млн.т по производству горяче- и холоднокатаного листового проката с покрытием. (объем инвестиций - 1,7 млрд.долл.). Первая очередь завода (модуль горячей прокатки и электросталеплавильная печь) вошли в эксплуатацию в марте 2011 г. ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат» прорабатывает возможность строительства в г. Зонгулдаке металлургического завода полного цикла.

- ОАО «Силовые машины» завершили реализацию проекта ГЭС «Торул» (130 млн.долл., 2 агрегата по 50 МВт) и прорабатывают возможность участия в проектах ТЭС «Герзе» (2 блока по 600 МВт), ГЭС «Инжир» (2 по 70 МВт), ГЭС «Юсуфэли» (3 по 180 МВт), ГЭС «Конактепе» (2 по 90 МВт). ОАО «ВО «Техностройэкспорт» завершило работы на ГЭС «Деринер» и планирует принять участие в строительстве ГЭС

«Байрам» и «Балык». ОАО «Русгидро» намерено приобрести

акции турецкой компании «Боябат», строящей крупную ГЭС в Турции.

- Подписанное между Минпромторгом Татарстана и Ассоциацией экспортеров автомобильной промышленности Турции «Улудаг» соглашение предусматривает организацию производства автокомпонентов и грузовиков КАМАЗ в Турции.

- По линии Госкорпорации «Росатом» и ОАО «Интер РАО ЕЭС» с участием ЗАО «Атомстройэкспорт», ОАО Концерн «Росэнергоатом», ОАО «Атомэнергоремонт» и ОАО «Атомтехэнерго» по схеме «строй, владей, эксплуатируй» начата реализация проекта строительства первой в Турции АЭС «Аккую». Общая стоимость проекта около 20 млрд.долл. Пуск первого блока (из четырех) запланирован на 2018 г.

В целом нужно отметить, что Россия – «рынок №1» для Турции, о чем наглядно свидетельствует уникальный статус РФ в турецкой экспортной Стратегии 2023, где Россия – единственная страна, определенная в качестве целевого рынка сбыта для всех групп турецких товаров. При этом Турция достаточно хорошо «раскручена» в России, где у нее сложилась репутация надежного партнера с оптимальным сочетанием цены и качества.

Со своей стороны, Россия становится крупным инвестором в турецкую экономику и ее присутствие в таких сферах, как инфраструктура, энергетика, промышленность, недвижимость, имеет значительный потенциал роста и поощряется турецкой стороной. Однако для реализации этого потенциала требуются и меры государственной поддержки с российской стороны. В качестве поощрительных мер могут быть предусмотрены льготное финансирование и кредиты, а также налоговые и таможенные льготы для российских инвесторов и экспортеров промышленной продукции, особенно

если речь идет о связке «российский инвестор - российский производитель оборудования».

Интерес на перспективу представляют для России инвестиционные проекты, которые могут реализовываться путем приобретения долей акций существующих турецких компаний или же регистрации предприятий в Турции, действующих по местным законам (положительными примерами такого подхода могут служить Альфа-телеком, Лукойл, Магнитогорский металлургический комбинат). Турецкие же компании, инвестируя в экономику России, предпочитают создавать предприятия со 100%-ным турецким капиталом, не исключая при этом и возможность участия в совместных предприятиях и проектах с другими формами собственности.

Основные трудности, с которыми сталкиваются в России турецкие компании и фирмы – это чрезмерная коррупция (удорожает стоимость строительства объекта на 15-20%), длительные сроки (от одного месяца и более против 3-6 дней в Турции) подключения к электросетям и инженерно-коммуникационной инфраструктуре уже готового к эксплуатации объекта, нехватка высококвалифицированных рабочих кадров.

В то же время турецкая сторона, в нарушение международных правил и норм в области специальных защитных мер и имеющихся двусторонних договоренностей, периодически вводит заградительные пошлины против ряда поставляемых в Турцию российских товаров, в частности, плоского стекла. Вызывают беспокойство и осуществляемые в настоящее время посредством карго-перевозок поставки в Россию турецких товаров без соответствующего таможенного оформления и указания их номенклатуры, что может создать условия для нелегального ввоза в Россию турецких товаров по заниженной стоимости и сомнительного качества.

Вопросами развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между Турцией и Россией занимаются торговые миссии, аккредитованные при Посольстве Турции в Москве и при Генеральных консульствах в Санкт-Петербурге, Казани и Новороссийске. Интересы турецких компаний и фирм в России представляют и такие структуры, как Представительство Турецко-Российского Делового Совета, Объединение российских и турецких предпринимателей (РТИБ), Конфедерация турецких промышленников и предпринимателей (ТУСКОН), Российско-Турецкая Ассоциация Делового Партнерства и Дружбы (РУТИД) и др.

Видимо, российской стороне целесообразно рассмотреть вариант создания в Турции сети Торговых домов России или субъектов РФ, детально изучив и используя в качестве положительного примера работу Полномочного представительства и Торгового дома Республики Татарстан, открытых в Стамбуле и осуществляющих свою деятельность с середины 90-х гг. прошлого века. Такая сеть, к тому же, откроет экспортные возможности для малого и среднего российского бизнеса, который по определению не в состоянии обеспечивать дорогостоящее содержание за рубежом своих представительств и специального штата для ведения внешнеторговой деятельности.

Поставленная руководителями России и Турции задача довести в ближайшие пять лет взаимный товарооборот до 100 млрд.долл. представляется вполне реализуемой, особенно, если все шире в сотрудничество будет вовлекаться большинство регионов России, а Россия увеличит в структуре экспорта долю высокотехнологичной продукции.

3.2.

Контролируя важнейшие морские и сухопутные маршруты поставок нефти и газа, Турция стремится стать стратегическим энергетическим транзитным узлом Европы и Азии, замкнуть на себя как можно больше проектов, которые находятся в эпицентре жесткой геополитической борьбы ведущих мировых игроков и поэтому имеют конкурентные варианты.

Примером такой борьбы за влияние стал крупнейший региональный трубопроводный проект Баку-Тбилиси-Джейхан (альтернатива российскому нефтепроводу Баку-Новороссийск) для транспортировки нефти из Азербайджана (а в перспективе и Казахстана) на мировые энергетические рынки. Геополитический фактор значительно преобладал над экономическими расчетами в этом проекте. Но его жестко лоббировали США, поскольку это позволяло им значительно усилить свое экономическое и политическое влияние в Каспийском и Кавказском регионах.

Благоприятная конъюнктура цен на углеводороды в начале 2000-х годов позволила завершить строительство в короткие сроки, и в 2005 г. трубопровод был пущен в эксплуатацию. Кроме того, был построен нефтепровод Киркук-Джейхан (из Ирака) мощностью до 68 млн. т в год, и таким образом порт Джейхан стал важнейшим энергетическим узлом региона, а в будущем здесь планируется также строительство завода по сжижению газа.

Альтернативой проекту строительства нефтепровода Бургас-Александруполис в обход турецких проливов, который, несмотря на его экономическую нецелесообразность, Россия поддерживала на протяжении многих лет, являлся проект Самсун-Джейхан. Когда стало очевидным, что «греческий маршрут» не будет реализован, Россия присоединилась к

проекту Самсун-Джейхан (Трансанатолийский трубопровод – ТАРСО) и теперь по нефтепроводу будет транспортироваться и российская, и казахская нефть.

Однако, более значимую, чем нефтепроводы, роль играют в регионе газотранспортные транзитные проекты, поскольку по прогнозам спрос на газ на европейском рынке будет только увеличиваться.

Первые поставки природного газа в Турцию из СССР начались еще в 1987 г. через территорию Украины, Молдавии, Румынии и Болгарии по специально построенному Трансбалканскому газопроводу (так называемый «западный маршрут»). С 2003 г. поставки осуществляются также по морскому газопроводу «Голубой поток» (проектная мощность 16 млрд. куб.м газа в год). Это уникальное газотранспортное сооружение: самый глубоководный трубопровод в мире, проложенный на глубинах до 2200 м (что на треть превышает глубины известных подводных трубопроводов) в условиях агрессивной сероводородной среды. Этот проект позволил избежать транзита газа через территорию Украины, минимизировав транзитные риски, и, хотя в существовавших тогда условиях он был экономически неэффективен, его стратегическое значение только прирастает.

В центре современной геополитической игры в настоящее время находится и важнейшая пара конкурирующих проектов – «Южный поток» и «Набукко». Проекты дублируют друг друга: похожие маршруты, нацеленность на европейский рынок, неопределенность сырьевой базы и необходимость привлечения нескольких поставщиков для заполнения трубы. Кроме того, практически все страны, по территории которых могут пройти маршруты альтернативных трубопроводов (Греция, Сербия, Венгрия, Болгария, Австрия и др.), оказывают поддержку или дают согласие на прокладку то одному, то другому проекту.

Инициированный Россией международный проект «Южный поток» предполагает строительство газопровода из Новороссийска по дну Черного моря до Варны (Болгария), где разделится на две ветки: одна - в Италию и Грецию, а другая – в Венгрию и Австрию до австрийского города Баумгартен, где находится Центральноевропейский газовый хаб (крупнейшая площадка по торговле, хранению и сбыту газа). Цель строительства «Южного потока» - диверсификация маршрутов экспортных поставок российского газа и избежание транзита через территорию Украины. Проектная мощность трубопровода 63 млрд. куб.м газа в год, общая стоимость оценивается в 15,5 млрд. евро, а ввод в эксплуатацию первой нитки запланирован на конец 2015 г. Межправительственные соглашения для реализации сухопутной части проекта уже подписаны с Австрией, Болгарией, Венгрией, Грецией, Сербией, Словенией и Хорватией. Разрешение Турции на строительство в ее эксклюзивной экономической зоне морской части «Южного потока» получено Россией в декабре 2011 г.

Проектом «Набукко» предусматривалось, что первая очередь (длина 2 тыс. км, мощность 8 млрд. куб.м газа в год) должна протянуться от Анкары до австрийского Баумгартена. Строительство предполагалось начать в 2010 г., а первый газ должен был поступить в Австрию в 2013 г. Вторая очередь (мощность 31 млрд. куб.м газа в год), строительство которой планировалось начать в 2013 г., должна была соединить Анкару с Ираном и Грузией.

Идея «Набукко» изначально лоббировалась ЕС, США и Турцией. При этом Евросоюз присвоил этому проекту, в отличие от «Южного потока», статус TEN (Trans-European Network), что существенно облегчает проведение переговоров, привлечение финансирования и страхование проектных рисков. Значительную поддержку проекту оказывает Австрия, игравшая значительную роль в переговорах Евросоюза с

Азербайджаном, Туркменистаном и Узбекистаном, которые в будущем могли бы наполнять трубопровод «Набукко» газом. Однако эксперты сомневаются в том, что Азербайджан будет готов к 2014 г. добывать достаточно газа, чтобы заполнить трубопровод. Перспективы же поставок газа из Туркменистана в Азербайджан, что потребует сооружения трубопровода по дну Каспийского моря, осложняются неурегулированностью юридического статуса Каспия и резко отрицательной позицией России по этому вопросу («Газпром» пытается любыми средствами удержать каспийский газ в зоне своего влияния).

Хотя Иран, располагающий достаточными запасами и масштабами добычи природного газа, был бы, судя по всему, готов к поддержке проекта, связывая поставки в рамках «Набукко» со смягчением политики ЕС в отношении иранской ядерной программы, однако говорить о гарантированных поставках газа для проекта «Набукко» пока не приходится.

С экономической точки зрения, транспортировка природного газа по обоим проектам – и «Южному потоку», и «Набукко» – является недостаточно эффективной, поскольку газ будет стоить слишком дорого, и, следовательно, сжиженный природный газ может составить ему реальную конкуренцию на европейском рынке. Тем более, что в ЕС к настоящему времени построено уже достаточно заводов по регазификации, а европейская газотранспортная инфраструктура весьма развита.

Тем не менее, все проекты, связанные с созданием газотранспортной инфраструктуры, имеют стратегическое значение для обеспечения энергетической безопасности Европейского Союза, который стремится диверсифицировать поставщиков газа и избавиться от жесткой зависимости, как от российского газа, так и от российского посредничества в поставках центральноазиатского газа. Задача России, в свою очередь, – по крайней мере, сохранить свою долю на газовом

рынке Европы, укрепить позиции лидера по поставкам углеводородов на европейский рынок и контролировать поставки газа из Туркменистана, Казахстана, Узбекистана.

Турция, таким образом, становится сильным геополитическим игроком, непосредственно связанным с важнейшими маршрутами поставок нефти и газа на европейский и другие энергетические рынки. Анкара весьма успешно воплощает политику балансирования между рынками-потребителями энергоресурсов и странами-экспортерами, получая для себя существенные выгоды и возможность усиления своей позиции не только в области энергетики и экономики, но и во внешней политике.

3.3.

/

В 1990-е годы активное проникновение Турции на Кавказ и в Центральную Азию стало камнем преткновения в российско-турецких отношениях, хотя оно и было простимулировано объективными факторами.

Анкара стремилась заполнить образовавшийся после распада Советского Союза «идеологический вакуум», и турки усиленно пропагандировали в этих странах так называемую «турецкую модель» развития. А главное – новые независимые государства нуждались не только в техническом содействии, но и в финансовой помощи, и Анкара попыталась взять на себя решение этих задач, выделив в 1992-1993 гг. государствам Закавказья и Центральной Азии 1,2 млрд. долл. кредитов. Причем Турция направляла гуманитарную помощь даже в Армению, держала открытыми наземный и воздушный коридоры в эту страну (они были закрыты только в 1993 г., после взятия карабахскими формированиями Кельбаджара, но в 2004 г. воздушное сообщение было возобновлено).

Следует подчеркнуть, что Турция двинулась в эти регионы отнюдь не только за ресурсами и рынками – руководство страны искало на Южном Кавказе и в Центральной Азии союзников и друзей, которые всегда оказывали бы поддержку Анкаре на международной арене. И это вполне логично, так как хотя прозападная ориентация, членство в НАТО и интеграция в ЕС являются, безусловно, императивами внешней политики Анкары, но многие в Турции (в том числе в руководстве страны) уверены в том, что Запад – союзник ненадежный и лишь использует Турцию в своих интересах.

Однако уже в 1994 г. наступило разочарование, поскольку турецкая сторона осознала, что ее ресурсов не хватает для того, чтобы «тянуть на себе» экономику новых независимых государств. Они с удовольствием тратили турецкие кредиты, однако следовать «турецкой модели» не торопились и, справившись с первыми трудностями, начали ориентироваться не на Турцию, а на другие региональные или глобальные державы. Одновременно турецкое руководство пришло к выводу, что долговременное «донорство» для Турции убыточно, а российский рынок более прибылен и куда более перспективен.

Сыграло свою роль и смещение внешнеполитической ориентации сил, формировавших турецкое правительство. Кавказ и Центральная Азия были приоритетом для предшественников Партии справедливости и развития – националистов справа (Партии национального движения) и слева (Демократической левой партии). Для ныне правящих демоисламистов, ПСР, такими приоритетами являются все же Ближний Восток и Северная Африка.

На современном этапе позиции Анкары по отношению к Южному Кавказу и Центральной Азии существенно отличаются. Если в закавказских государствах политика

остаётся достаточно активной, то в Центральной Азии турецкое присутствие постепенно «сжимается», хотя политическая поддержка Турции руководством этих стран (пусть и не по всем вопросам) сохраняется.

На Кавказе союзник Турции №1 – Азербайджан, где турки глубоко внедрены в государственный аппарат и в силовые структуры, имеют прочные экономические связи. Вместе с тем, бакинскому руководству удается поддерживать вполне гармоничные связи и с Россией. Так что, хотя в Азербайджане турецкое влияние сильнее, Россия и Турция, по сути, дополняют здесь друг друга.

Что касается Грузии, Анкара была не в восторге от Саакашвили не только из-за его импульсивности и непредсказуемости, но и из-за чрезмерного преклонения Тбилиси перед США. Вместе с тем, режим Саакашвили Турцию вполне устраивал, поскольку обеспечивал ее основной интерес – надежный транзит в Азербайджан и, далее, в Центральную Азию.

С Арменией у Анкары по-прежнему очень сложные отношения. Основным препятствием является проблема признания геноцида армян. Турецкое руководство хотело бы решить эту проблему и, пожалуй, высшей точкой его усилий в данном направлении можно считать заключение комиссии Великого Национального Собрания, подготовленное в 2005 г. к 90-й годовщине геноцида. В этом документе события 1915 г. в целом освещены вполне объективно, нет только одного – слова «геноцид», и это - «красная линия» для турок и предел их гибкости. Но, к сожалению, эти шаги не дотягивают даже до нижней планки армянской позиции, так что почвы для компромисса по-прежнему нет и не предвидится.

Присутствие России в Закавказье – российские военные базы в Армении и контролируемая Россией АЭС в Мецаморе – вызывает в Турции определенное напряжение, но не активное

отторжение, а в ряде случаев оценивается как фактор стабильности, в которой Анкара, безусловно, заинтересована.

Что же касается Центральной Азии, то этот регион можно считать во многом потерянным для Турции, прежде всего потому, что сюда пришли более мощные игроки – США и Китай, да и Россия уверенно восстанавливает свои позиции. К тому же у таких государств региона как Казахстан и Узбекистан сформировались собственные региональные амбиции, и предлагаемые Турцией параметры модернизации для них уже узки. А экономические интересы турок в ЦА не столь велики: рынок здесь узкий – всего около 50 млн. человек, платежеспособность населения низкая, ресурсы – невысокого качества и «трудно вывозимые».

Не случайно МИДом Турции внешнеполитические приоритеты Анкары расставлены в следующем порядке: сначала – ЕС, НАТО, США и трансатлантические связи; затем – Балканы, Ближний Восток и Северная Африка; только потом – Южный Кавказ и Южная Азия (т.е. Пакистан) и самой последней – Центральная Азия.

Конфликта стратегических интересов России и Турции на Южном Кавказе и в Центральной Азии сегодня не просматривается. Речь может идти лишь о разграничении сфер преобладающего влияния, и здесь действует в основном принцип взаимодополняемости.

Россия и Турция могут сотрудничать на Южном Кавказе, прежде всего, в такой сфере, как урегулирование региональных конфликтов. Реально и взаимодополняющее экономическое сотрудничество с закавказскими государствами. А коллизии между Москвой и Анкарой в этом регионе касаются вопросов важных, но не судьбоносных для российской и турецкой государственности (например, признание или непризнание Турцией независимости Абхазии и Южной Осетии; российская военная база и АЭС в Армении).

Главная зона совпадения российско-турецких интересов – поддержание политической стабильности, как в Закавказье, так и в центральноазиатских странах, при недопущении или хотя бы ограничении проникновения в эти регионы (в случае дестабилизации ситуации) внерегиональных сил.

3.4.

В СССР влияние Турецкой республики на тюркоязычные народы Союза было сведено до минимума, как с помощью мер со стороны силовых структур, так и под воздействием существовавшей идеологии и системы ценностей. В этот период оказывалось противодействие любым попыткам пропаганды создания мифического государства «Великий Туран» или иных надгосударственных объединений под лозунгами «единения всех тюркских народов».

На волне распада Советского Союза турецкие политологи возродили идею создания «Турана» – единого пантюркистского сообщества государств, где проживает 120 млн. тюркских народов и которое простирается от Западного Китая до восточного побережья Средиземного моря. Эти планы нашли поддержку со стороны США и Евросоюза, которые были заинтересованы в ограничении российского влияния на новые суверенные государства.

В тюрко-мусульманских республиках постсоветского пространства сама идея тюркского единства была встречена с большим энтузиазмом. Для ее практической реализации весной 1992 г. в Стамбуле была создана Международная организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ), которая объединяет 14 стран и народов. Регулярно проводятся Саммиты глав тюркоязычных государств, действует Ассамблея тюркских народов, в состав

которой входят не только представители независимых государств и российских автономий, но и тюркские общественные организации и движения, в том числе - радикальные.

В октябре 2009 г. Азербайджаном, Казахстаном, Киргизией и Турцией был создан Совет сотрудничества тюркоязычных государств, основной сферой деятельности которого были определены укрепление экономических и культурно-гуманитарных связей, а также сотрудничество в деле обеспечения экологической безопасности. Первый саммит Совета прошел 21 октября 2011 г. в г. Алматы под председательством президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, который призвал Узбекистан и Туркмению присоединиться к процессу становления новой организации. По его предложению были созданы также Тюркская Парламентская Ассамблея, Совет старейшин и Тюркская Академия (работает в Астане), которая занимается изучением общих исторических корней тюркской культуры.

Важным направлением укрепления позиций Турции в тюркском мире стала экономическая помощь тюркоязычным государствам и регионам. С этой целью в 1992 г. было создано Турецкое (или Тюркское) Агентство по сотрудничеству и развитию при аппарате премьер-министра Турецкой Республики (ТИКА). Целью агентства было объявлено предоставление технической помощи развивающимся странам и укрепление отношений с ними в сферах экономики, торговли, техники, культуры, образования и социального развития. Проекты ТИКА охватывают: в Средней Азии - Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан; на Кавказе - Азербайджан и Грузию; в черноморском бассейне - Молдову, Россию и Украину. В настоящее время в 20 странах мира работает 23 координационных офиса ТИКА.

Кроме того, в независимых тюркоязычных государствах и в российских республиках (Башкирия, Татарстан) организованы частные турецкие лицеи и колледжи. Особенностью турецких образовательных структур является их внешне «частная» направленность – турецкие лицеи полностью подконтрольны секте «Нурджулар», деятельность которой, как, собственно, и ее руководителя Фетхуллага Гюлена, на территории Турции формально запрещена за нарушение светских законов турецкого государства. Вместе с тем, деятельность секты за пределами Турецкой Республики признана правительством страны полезной с точки зрения реализации стратегических задач Турции и доктрины пантюркизма. С приходом к власти правительства Р.Эрдогана позиции «Нурджулар» в тюркоязычных регионах значительно усилились.

При участии этого течения за пределами Турции работает значительное количество школ, лицеев, больниц, радиостанций и газет. Оснащенность учебной базы образовательных учреждений во многом обеспечивается разветвленной сетью специально созданных коммерческих предприятий, например, таких как «Азия финанс». В школах секты работают более 7 тысяч учителей (в основном мужчин), которые обычно имеют хорошее образование, полученное в турецких университетах, применяют в обучении современные достижения и методики педагогической науки и психологии.

Внешне секта занимается полезным делом – просвещением мусульман, прививая им довольно высокие стандарты образования (обучение ведется на английском, турецком и русском языках). Однако глубинный смысл такого образования, в частности, на территории России – целенаправленная подготовка в тюркоязычных регионах протурецки настроенной прослойки мусульман, которая в перспективе будет формировать «турецкое лобби» в стране.

Собственно уже сейчас подготовлены многие тысячи молодых людей в турецких лицеях, не менее 26 тыс. получили образование в турецких университетах, медресе и т.д. Если учесть, что, начиная с лицейств, идет отбор наиболее одаренных детей, причем, принадлежащих к «продвинутым» слоям общества, то можно не сомневаться, что капиталовложение в формирование будущих тюркских элит уже успешно сделано.

Впрочем, «фетхуллаци», как называют сторонников Фетхуллага Гюлена в Казахстане, далеко не всегда и не везде сопутствует успех. Так, в 90-е гг. у организации Гюлена в Азербайджане был даже свой телеканал «Саманйолу», а в 2007 г. гюленовские СМИ были запрещены, в том числе и потому, что еще в начале 90-х гг. открылось участие этих структур в готовящемся перевороте против тогдашнего президента Азербайджана Гейдара Алиева.

В противоправных действиях и намерениях подозревают гюленовцев и в Узбекистане. В марте 2011 г. в Узбекистане было закрыто 50 турецких предприятий (такие как «Gunesh», «Turkuaz», «Kaunak»), турецкие сети общественного питания, один из крупнейших супермаркетов столицы «Туркуаз». Власти обвинили бизнесменов в том, что они «занимались распространением литературы, пропагандирующей деятельность религиозного течения «Нурчилар», запрещенного в Турции», «открывали подпольные места для осуществления религиозных обрядов и подпольные цеха, которые материально обеспечивали религиозную радикальную деятельность». В Узбекистане были закрыты также все 27 узбекско-турецких лицеев, функционировавших по всей территории страны.

В России, после многих лет успешной пропаганды идей пантюркизма и протурецких настроений, судебным решением было, наконец, запрещено издание книг Гюлена и других

«нурсистов», а также закрыты, по крайней мере в Башкирии, турецкие лицаи.

В 2000-х гг. инициатива в пропаганде пантюркистской идеи стала постепенно переходить от Турции к тюркоязычным постсоветским государствам. Определялся этот тренд, во-первых, тем, что Турция, переживающая процесс глубокого обновления, смены идеологии, на которой строилось кемалистское государство, ослабила внимание к пантюркистским программам, в том числе на постсоветском пространстве. Во-вторых, в таких постсоветских государствах, как Азербайджан и Казахстан, обладающих значительными нефтегазовыми ресурсами, постепенно окрепла собственная экономика, сформировалась новая правящая элита, что в сочетании со стабильной внутренней обстановкой повысило международный авторитет этих стран.

Сама активная деятельность в рамках структур тюркоязычных государств стала при этом адекватным продолжением внутренней политики. Например, для Казахстана – это политика «евразийства», в которой казахское руководство видит путь, как стабилизации внутренней ситуации, так и повышения роли страны в качестве безусловного лидера формирования новых структур на пространстве СНГ. Для Азербайджана, хотя фактор стабилизации в рамках формирования «азербайджанской нации» и играл важную роль, повышая статус азербайджанцев как отдельного самостоятельного этноса (опирающегося на мощь турецкого «большого брата» в рамках лозунга «две страны – одна нация»), большое значение имеет и опора на «тюркский фактор» в подтверждении своей позиции в армяно-азербайджанском конфликте.

На сегодня наибольших успехов участники пантюркистских программ добились в области обмена культурными мероприятиями в рамках организации

ТЮРКСОЙ, а также по линии программ, реализуемых турецкой ТИКА, оказывающей конкретную помощь, как государствам, так и российским тюркоязычным автономиям и отдельным общинам, например гагаузам в Молдавии и Украине, крымским татарам.

Важным направлением турецкой политики остается также поддержка практически всех без исключения национальных движений тюркоязычных народов и общин на территории России, кампании солидарности с любыми их требованиями к властям Российской Федерации и отдельных регионов, стремление выступать в качестве «ходатаев» в международных организациях в обход российских властей. Сами представители таких общин с готовностью используют эти турецкие устремления в своих целях и для удовлетворения зачастую непомерных или просто несправедливых требований, ущемляющих права и интересы представителей других народов России. Однако распространение идей пантюркизма в России ограничено ввиду смешанного этнического состава населения российских регионов.

Как показало прошедшее с момента создания ТЮРКСОЙ десятилетие, этнической и языковой близости явно недостаточно для объединения всех тюрков в единый союз под эгидой Турции. В связи с ограниченностью ресурсов и возможностей Турции, разновекторностью внешнеполитических приоритетов тюркоязычных государств, а также географической разобщенностью тюркских народов, населяющих Южный Кавказ и Среднюю Азию, эти планы так и не были реализованы.

Вместе с тем, в последние годы наблюдается очередной виток усиления интереса Турции к постсоветским республикам в целом и к Закавказью в частности, хотя теперь этот интерес строится на новой основе. Турецкие политики все чаще говорят о «глубоких исторических и культурных корнях Турции на

Балканах, Ближнем Востоке, Большом Кавказе и в Центральной Азии», уходящих во времена Османской империи. Но идеи «неоосманизма» воспринимаются в тюркоязычных странах и в таких регионах России, как Поволжье и Северный Кавказ, отнюдь не однозначно и часто встречают противодействие.

Итоги выборов 2011 г. в Турции и проведенный в октябре того же года соцопрос (52% поддержки ПСР) подтверждают, что Партия справедливости и развития укрепила в роли наиболее влиятельной и системной политической силы, которая планирует и в принципе способна победить на трех ближайших (до 2023 г.) парламентских выборах.

Основаниями для такого прогноза служат:

- устойчивое социально-экономическое развитие страны со стабильно высокими показателями экономического роста;
- динамичная внешняя политика, позволившая Турции выйти на новый уровень влияния, как в региональных, так и в мировых делах. При этом перспективен избранный правительством Р.Эрдогана курс на региональное лидерство вместо однозначной поддержки прозападного курса;
- пересмотр ряда базовых принципов кемализма, раздражавших значительную часть общества, усиление роли религиозных ценностей при отсутствии программы превращения Турции в исламскую республику;
- ослабление роли армии, усиливающееся отторжение обществом культуры военных переворотов и, напротив, растущая поддержка гражданских трансформаций;
- возможность для ПСР опереться на широкую коалицию общественных сил.

Нельзя, однако, не отметить и наличие «угроз» для столь длительного правления ПСР:

- в последние годы обострился ряд внутривнутриполитических проблем (курдский конфликт вошел в горячую фазу, усиливаются упреки в адрес ПСР за ее стремление к авторитаризму, обострилось противостояние правящего режима с военной элитой и кемалистами);
- вероятно, близок к исчерпанию потенциал заложенной предшественниками ПСР базы успешного экономического развития;
- усиливается политическая нестабильность в соседних с Турцией странах.

Следует подчеркнуть, однако, что в условиях достаточно успешного социально-экономического развития Турции вероятность воспроизведения в этой стране сценария «арабской весны» (выступление широких масс против режима с возможным значительным влиянием внешнего фактора) и, тем более военный переворот, крайне мала. Решающим фактором, определяющим стабильность политического устройства страны в ближайшие годы будет противостояние между религиозными и светскими партиями.

Турецкое руководство делает ставку на распространение в зоне своих региональных интересов современной «турецкой модели» политического устройства – сочетание светской демократии с правлением «народной» исламской партии и ограничением влияния армии. Однако «турецкая модель» является итогом более чем 200-летней истории реформ в стране. Ни в одной из арабских стран не наблюдается сочетания факторов, определивших успех именно такой модели, так что вряд ли можно прогнозировать ее воспроизведение в полном объеме.

Сдерживающим фактором, кроме того, выступает и то обстоятельство, что многие арабские страны сохранили негативные воспоминания об османском владычестве. Поэтому

использование Анкарой понятия «неосманизм» для

обозначения своей официальной линии сочувствия и даже просто понимания у соседей Турции не вызывает. Однако вполне возможны как отсылки к опыту Турции по «соединению ислама с демократией» в политической риторике, так и реальное продвижение в политическую практику ряда элементов «турецкой модели».

Особое влияние на современную внешнюю политику Турции оказали три фактора:

- экономические успехи и укрепление позиции Турции как страны, контролирующей стратегически важные морские и сухопутные маршруты транспорта углеводородов;
- неудача со вступлением в Европейский союз;
- революционная волна 2011 г. на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Турецкое руководство получило подтверждение верности своей ставки на поддержание баланса между курсом на региональное лидерство, сохранением добрых отношений со всеми соседями и верностью «блоковым» обязательствам перед НАТО. Но при этом политика Турции на мировой арене сегодня чрезвычайно прагматична, что и определяет тактические доминанты.

Так, «арабская весна» вызвала определенный отход от стратегического принципа «ноль проблем с соседями». Руководители Турции поддержали позицию Запада по Сирии, усмотрев два важных для себя фактора в странах победившей революции – приход к власти исламистов и переход от противостояния исламистов и США к их сотрудничеству, что позволяет Анкаре считать себя наиболее подготовленной к посредническим функциям в этом наметившемся диалоге.

В отношении Ирана Турция (видимо, учитывая, что этот партнер обеспечивает 20% импортируемого газа и 30% закупаемой нефти) не солидаризировалась со своими

западными союзниками и заявила, что страна не поддержит антииранские санкции Евросоюза, «кроме тех, которые были одобрены Совбезом ООН», и не предоставит свою территорию для проведения военных операций против Ирана. Не исключено, однако, что США, подогревая региональные амбиции турецких политиков, попытаются создать условия, при которых втягивание Турции в вооруженный конфликт станет для нее «меньшим из зол».

У России и Турции нет сколько-нибудь значимого конфликта стратегических интересов на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Не играет Анкара какой-либо роли и как инициатор или активный проводник линии на продвижение влияния НАТО в этих регионах. В то же время нельзя полностью исключить возможность осложнения российско-турецких отношений из-за конъюнктурного несовпадения подходов к обеспечению политических и экономических (в том числе, энергетических) интересов в указанных регионах.

Поскольку в стратегическом плане негативный фон для взаимоотношений с Россией на региональном уровне минимизирован, возникают возможности для значимого политического прогресса в налаживании конструктивного взаимодействия двух стран.

Главным полем для «стыковки» российско-турецких интересов могло бы стать поддержание политической стабильности на Южном Кавказе, в Черноморском бассейне и в странах Центральной Азии. При этом важный мотив, который присутствует в турецком политическом курсе и может представлять интерес для России, – недопущение или ограничение проникновения внерегиональных игроков в случае дестабилизации обстановки в этих регионах.

Определенным препятствием для развития политических отношений с Турцией является наличие в ней сил, выступающих за единое пантюркистское пространство.

Однако в том, что касается регионов России с тюркским населением, позиция Анкары носит подчеркнуто «неагрессивный» характер и выстраивается таким образом, чтобы в целом не нарушать взаимоотношений с Москвой.

Российско-турецкие экономические связи – ключевой ресурс активизации двусторонних отношений, и недаром официально поставлен ориентир трехкратного увеличения за пять лет товарооборота между двумя странами. Да и в целом имеющийся потенциал дальнейшего развития взаимовыгодного торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества использован пока не полностью, особенно с учетом поставленной турецким руководством задачи по увеличению доли как в производстве, так и в экспорте продукции высокотехнологичных сфер экономики (космос и авиация, оборонная промышленность, компьютерные технологии и связь, приборы, медицинское оборудование и комплектующие, возобновляемая энергетика и конструкционные материалы).

По совокупности позиций турецкого руководства по внешнеполитическим и экономическим вопросам и с учетом многолетнего опыта взаимодействия двух стран можно сделать вывод, что в текущем десятилетии Турцию следует рассматривать как серьезного делового и политического партнера России.

« :
»

Примаков Евгений Максимович	академик, научный руководитель ЦСА РАН
Дынкин Александр Александрович	академик, директор ИМЭМО РАН
Барановский Владимир Георгиевич	академик, директор ЦСА РАН
Васильев Алексей Михайлович	академик, директор Института Африки РАН
Наумкин Виталий Вячеславович	член-корр. РАН, директор ИВ РАН
Мейер Михаил Серафимович	директор Института Азии и Африки МГ
Бужинский Евгений Петрович	вице-президент, ПИР- центр
Вартазарова Людмила Степановна	гл.н.с. ЦСА РАН
Васильев Александр Дмитриевич	н.с. ИВ РАН
Вертяев Кирилл Валентинович	н.с. ИВ РАН
Громогласова Елизавета Сергеевна	вед.н.с. ЦСА РАН
Иванова Инесса Ильинична	ст.н.с. ИВ РАН
Касаев Эльдар Османович	н.с. ЦСА РАН
Кобринская Ирина Яковлевна	зам. директора ЦСА РАН
Кононов Валерий Иванович	Российско-турецкий деловой совет
Кунаков Вячеслав Вадимович	Аппарат Правительства РФ
Мамедова Нина Михайловна	Зав. сектором. ИВ РАН
Надеин-Раевский Виктор Анатольевич	ст.н.с. ИМЭМО РАН
Прищепов Александр Львович	зам. директора 4го Европейского

Рыжак Константин Николаевич
Рябов Андрей Виленович
Стегний Петр Владимирович
Студеникина Людмила Алексеевна

Трубников Вячеслав Иванович
Ульченко Наталья Юрьевна
Уткин Сергей Валентинович
Шлыков Павел Вячеславович

Департамента МИД
РФ
директор проекта
"Газпромбанк"
гл. редактор МЭиМО
Чрезвычайный и
Полномочный Посол
зам. директора
Института энергетики
и геополитики России
РГУ нефти и газа
им.И.М.Губкина
член Дирекции
ИМЭМО РАН
вед.н.с. ИВ РАН
зав. отделом ЦСА
РАН
старший
преподаватель ИССА
при МГУ им.
Ломоносова